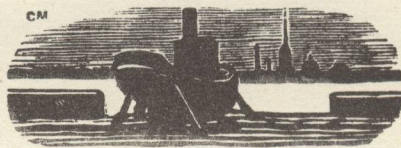

ИСКРКА

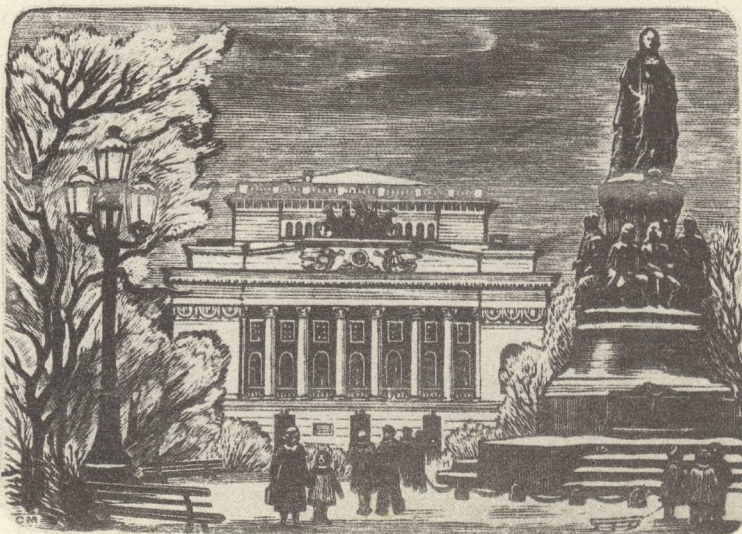
12 ДЕКАБРЬ
1985

*„...Нет
красивее
Ленинграда
никогда!“*

*С. Моголов „Дворцовая площадь“
Гравюра на дереве*

*С. Моголов „Зима в Ленинграде“
Гравюра на дереве*

Леонид АГЕЕВ

Рис. Г. Ясинского

Роботы средней группы

Новогодний фантастический рассказ из 2080 года

Они сидели на своём обычном месте — в углу комнаты, в мягких поролоновых креслах.

— Как ты думаешь, сестра, не очень больно шлёпнул я за обедом Петрова? — полуобернулся робот Медведь к соседке — роботу Лисе.

— Думаю — не очень. Ты же — по мягкому месту... И поделом ему!

— Непедагогично... Но уж очень я рассердился! Тебе спасибо — вовремя увидела, как он отключил меня: ещё немного — и тарелки полетели бы! Ребятишек можно было ошпарить!.. И ведь как незаметно подкрался, хитрюга! Ох, трудный ребёнок этот Петров!

— Куда уж трудней! Он до меня тоже того гляди, доберётся! Я примечаю — примеривается. Но у меня выключатель прилажен повыше — не как у тебя, не на бедре... О чём только твой конструктор думал?!

Они минуту помолчали, отдыхая.

— Ну, Миша, давай спать! Смажем свои суставчики и — спать!

Лиса откинула голову, надавила затылком на спинку кресла — раз! другой! — заставляя сработать клапан резервуара смазки.

— Ах, хорошо! Пошло маслице, побежало...

— А у меня и со смазкой неладно что-то. До ног никак не доберётся... И не в первый раз уже

так! Попрошу завтра Марью Семёновну — пусть велит механику посмотреть, в чём дело.

— Попроси... Немолодой ты уже; Миша, немолодой! Когда меня в помощницы к тебе определи-

ли, уж и тогда шкура твоя потёртой была... А лет-то с той поры прошло сколько?

И Лиса решительно щёлкнула выключателем, спрятанным на груди в густом меху. Следом и Медведь опустил тяжёлую лапу к выключателю на своё облезлое, лоснящееся бедро.

«Хороший морозец! Градусов десять наверняка есть... Авось Новый год по-людски встретим, без слякоти этой надоевшей...» — рассуждала Марья Семёновна, подходя рано утром к детскому саду.

Предновогодние дни самые суматошные. Она заспешила в подсобные помещения первого этажа. Заяц Младший сидел в кресле, наклонив набок ушастую голову, ощипавшись рыжими усами. Полубоившись молодцом, Марья Семёновна нащупала на его груди выключатель, щёлкнула. Робот открыл глаза, они засветились зелёным огнём — всё ярче и ярче, до полного накала. Заяц шевельнул лапами.

— С добрым утром, труженик! Вставай, проверяй свой подъёмник — скоро завтрак привезут.

Когда она поднялась на второй этаж, внизу прозвенел колокольчик и послышались голоса Тамары Ивановны и Танечки, а когда, закончив обход всех помещений и разбудив одного за другим — Медведя, Лису и Зайца Среднего, обоих Гномов и Зайца Старшего, сошла в вестибюль, дверь с грохотом распахнулась — ворвался первый ребёнок. Поправив съехавший на глаза меховой треух, он швырнул в угол хоккейную клюшку и снял рукавицы.

— Здравствуйте, Марья Семёновна!

— Здравствуй, здравствуй! Проходи, раздевайся... Кстати, когда ты перестанешь так хлопать дверью, Петров? А?

Марья Семёновна стояла у широкого окна кабинета и смотрела на своих подопечных, заполнивших площадку для игр.

Под самыми окнами детсада младшая группа оседлала карусель. Каруселью управлял Заяц Младший. Стоя в центре круга, он то пускал её — всякий раз под новую музыку, то останавливал, и тогда ребятишки соскакивали на снег и бежали меняться местами.

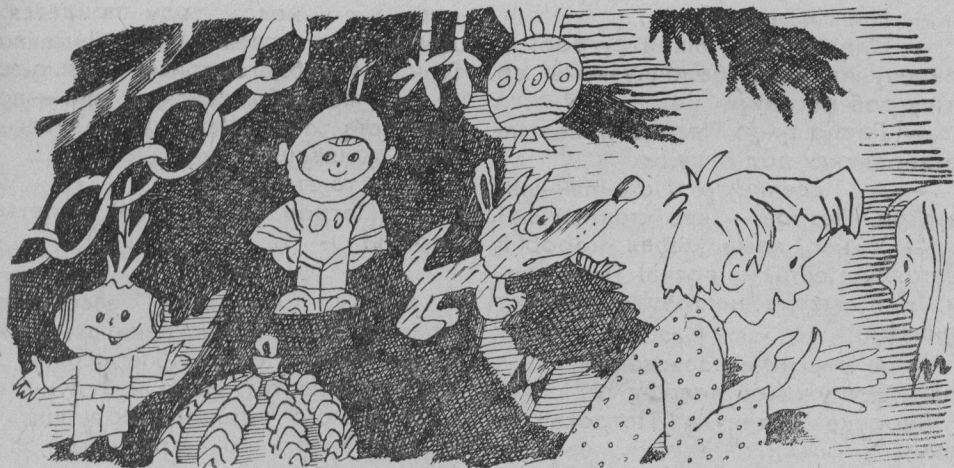
В одном углу площадки средняя группа каталась с ледяной горки и лепила снежную бабу. Днём потеплело, снег стал податливым, баба быстро росла и толстела.

Старшим был отведён другой угол; их горка, более высокая и крутая, сейчас пустовала: ребята строили крепость и готовили снежки — предстояло сражение. «Не расквасили бы опять нос кому-нибудь!»

Горки разделяло хоккейное поле — ровная площадка с утоптаным снегом. Играли, как правило, старшие, из средней группы принимали лишь самых рослых и боевых. Всё было настоящим: и форма игроков, и клюшки, и ворота, и деревянные борта... Не хватало только коньков — мальчишки бегали в специальных утеплённых кроссовках. Вратарь ловко в падении отбил шайбу, но тут же вскочил и замер в боевой стойке. «Петров! Он самый... И как всегда — с собственной клюшкой. Не признаёт детсадовских...»

Марья Семёновна отошла было от окна, но сразу вернулась. Петров стоял в той же каменной позе... «Где я уже видела это? Где?.. Как две капли...» Вспомнила: на фотографии! В толстом учебнике «История детского воспитания в стране». Очень старая фотография, и подпись под ней: «Будущий олимпиец!» Такой же парнишка, с такими же вихрами, выбившимися из-под шлема, и с тем же напряжённым вниманием в глазах...

Вдруг Петров резко дёрнулся, пытаясь поймать шайбу, опять брошенную по воротам. Он выставил клюшку далеко: шайба не попала в неё, а, ударившись в руку выше локтя, упала рядом. Петров быстро откинул шайбу к бор-

тику, а левая его рука повисла плетью. Он начал медленно сгибать руку, потом разогнул и снова согнул, закусив губу.

«Больно ведь негоднику! Ой, как больно!..— У Марьи Семёновны даже озноб по спине прошёл.— И как только он не заплачет?»

Она начала вспоминать, когда последний раз видела Петрова плачущим, но вспомнить не могла. «В тот раз ему снежком нос разбили... А он хоть бы что: приложил к переносице ледышку, постоял, запрокинув голову, подождал, пока кровь остановится, и— снова в атаку, на штурм крепости... А когда в младшую группу ходил— руку сломал. Забрался на подоконник и сорвался. На пол грохнулся. Танечке пришлось дать выговор... Танечка плакала, а Петров— ни-ни... Как же он плачет?»

Марья Семёновна даже растерялась. Она знала всех резвящихся сейчас под окнами мальчишек и девчонок с трёхлетнего возраста и о каждом помнила, как он плакал вчера, как плачет сегодня, на слух могла определить, кто плачет и даже— о чём, из-за чего... Мысленно перебрала она свою «картошку»— петровского плача в ней не было. Значит, она никогда этого плача не слышала.

По всему детскому саду расползлась благодатная тишина— наступил послеобеденный тихий час.

Медведь с Лисой в последний раз обошли ряды кроваток, заглядывая в ребячьи лица: старательней всех спал Петров— крепко зажмурив глаза и похрапывая... Но когда дверь за роботами закрылась, Петров храпеть перестал.

— Верка, Верка! — зашептал он.— Вставай... Можно уже!

Верочка Иванова быстро обернулась.

— Пошли, Верка...

— Боюсь я... Мих-Мих обязательно ещё раз проверить придёт...

— Не придёт! Трусиха! Идём!

Они неслышно пробежали по спальне и вышли в зал. Синтетическая красавица-ёлка стояла в углу. Рядом— большая картонная коробка.

— Смотри— ещё сколько,— зашептал Петров,— а ты: «Пустая, пустая...»

Они присели возле коробки на корточки.

— На́ вот— вешай фонарик! Да цепляй как следует! Матрёшку бери...

— Красивая наша ёлочка, ёлочка-иглочка! — негромко запела Верочка.

— Тихо ты! На́ вертолёт!

— Красивая, красивая... Только снегу нет на ней. Ни снежиночки!

— Сейчас будет!— Петров извлёк из коробки большой комок ваты, отщипнул клочок, посадил на лапу ели. Ещё отщипнул.

— И мне дай!

— Нá! Не жалко...

— Сделай под ёлкой сугроб! Я принесу из дома белочку — мы её на сугроб посадим.

— Ладно... — И Петров полез на четвереньках под ёлку.

— А свечки-то стеклянные! Смотри, Петров, — все стеклянные!

— У нас дома целая коробка настоящих есть, из воска! Ты — белку, а я завтра настоящую свечку принесу.

— А как ты её зажжёшь?

— Это уж моё дело.

Верочка потянула Петрова за руку:

— Давай потанцуем!

— Осторожней ты! — сморщился Петров.

— А что?

— Что-что?! Больно... Смотри, какой синяк. — Он закатал рукав. — Шайбой... Нашла время танцевать!

— Ну и не надо, я и одна могу.

— Верка! Мих-Мих идёт!..

Когда Медведь вошёл в зал, там никого уже не было. Он открыл дверь в спальню, окинул взглядом ряды спящих. Обнаружив беспорядок, подошёл к Верочкиной кровати. Верочка забралась под одеяло с головой, и Медведь осторожно отогнул край одеяла, чтобы ребёнку было легче дышать. Потом ещё раз всех оглядел внимательно и зашагал к выходу.

— Кто тут ходит — спать мешает? — поднял голову Петров и открыл один глаз. Потом зевнул, потянулся и мигом отвернулся к стене, чтобы Мих-Мих не увидел его смеющейся физиономии.

— Да, брат Миша, нелёгкий завтра денёк предстоит! Праздничный...

— Нелёгкий, Лиса. Хлопот полон рот будет. А мне опять неужестя. На прогулке едва ноги таскал. И тут, — Медведь приложил лапу к левому боку, — всё время что-то греется...

— К Марье Семёновне-то не обращался?

— Недосуг было. Сама видишь — минуты спокойной нет. Те-

перь уж в новом году придётся... Дети, Лиса, вовсе беспокойные пошли... И неблагодарные какие-то! О них же заботишься, а они — пожалуйста тебе: «Чего тут ходишь — спать мешаешь?»

— Кто это так?

— Петров всё тот же! Отпетый парень!

Марья Семёновна завершала осмотр ёлки. «Поистрепалась, милая... Иголки совсем пересохли, и цвет уже не тот. Надо к будущему году ремонт сделать, подновить».

Она энергично встряхнула полиэтиленовый баллон и нажала на рычажок горловины. В зале сразу запахло хвоей, лесом, и Марья Семёновна подумала о лете, о далёком пока отпуске, о грибах...

Выйдя из зала, она оказалась лицом к лицу с родителями.

— Добрый день, Марья Семёновна! С наступающим вас!

— Добрый день! Спасибо, вас — тоже! Рановато вы, однако. Дети ещё пообедать должны.

— Мы — может, помочь чего надо...

— Ничего не надо, всё сделано, всё подготовлено.

Петров поднял руку над тарелкой с растерзанной котлетой, над кружкой с остатками компота.

— В чём дело, Петров? — подошёл к нему Медведь.

— Можно выйти?

— Закончил — подожди других, не все так быстро едят.

— Я в туалет хочу.

— Ну иди, раз такое дело...

— Мне тоже в туалет надо! — подала голос Верочка Иванова.

— Да что это вас? Ступай.

Они одновременно выскочили из столовой и, минуя двери туалетов, — в зал.

В зале не было ни души. Ёлка светилась и благоухала. Подбежав к ней, Верочка вынула из рукава платья плюшевую белочку, рыжую, с шишкой в лапах, подлезла на колёнках под ёлку и поставила игрушку на «сугроб».

— Совсем как в лесу, как в настоящем лесу! — хлопнула она в ладошки.

Петров устанавливал рядом с белкой свечку.

— У тебя спички, да? Дай мне зажечь!

— Какие спички?! Але-гоп! — И он вытащил из кармана зажигалку.

— Ой, зажигалка! Ты где её взял?

— Отцовская. Он, когда маме честное слово давал, что не будет больше курить, папиросы в мусоропровод бросил, а зажигалку — в кухонный стол. Я как раз молоко пил...

— Ну зажигай же, зажигай!

Зажигалка выбросила длинное голубое пламя, похожее на лезвие ножа. Петров поднёс пламя к свечке, подержал, пока не разгорелся фитиль...

— Вот вы в какой туалет хотели?! Марш в группу!

От неожиданности Петров выронил зажигалку. Они с Верочкой встали, стараясь заслонить от Мих-Миха свой «сугроб».

— Кому говорят: марш в группу!

А за их спинами уже горела плюшевая белка, пыхнула вата, плавилась, роняя горящие капли, синтетические иголки веток.

Почувствовав дым, ребята обернулись и бросились прочь. Медведь разинул было пасть, но, ничего не сказав, устремился к ёлке. На полдороге он поскользнулся, упал, прополз остаток пути на четвереньках и начал бить по пламени передними лапами. Бил, не замечая, как огонь жадно лизнул его мех, подпалил левый бок.

— Лиса! Ли-са!!! — закричал Медведь и вдруг замер, ткнувшись мордой в ствол ёлки.

Прибежала Лиса. Увидев дым, тут же исчезла, вновь вбежала в обнимку с огнетушителем и направила жёлтую струю пены сначала на тлеющий бок Медведя, потом — на «сугроб».

— Что тут у вас произошло? —

влетела в зал Марья Семёновна. — Бог ты мой!

Марья Семёновна подбежала к электрическому щитку и включила вытяжную вентиляцию: дым, быстро рассеиваясь, пополз под потолок.

Сбежались на шум ребята. Встали у стены и смотрели на своего Мих-Миха, замершего на полу, залитого пеной.

Белоголовый парнишка вдруг со всего размаха влепил оплеуху Петрову. Тот вздрогнул, но даже слова не сказал.

«Так... Виновник налицо. С тобой, Петров, не соскучишься!..»

И Марья Семёновна заспешивала вниз, на ходу объясняя подымавшимся навстречу родителям:

— Непредвиденные обстоятельства... непредвиденные обстоятельства... Задерживаемся на полчаса... Извините... Да, да — на полчаса...

Сумасшедший день кончился. Все давно разошлись по домам. Подперев рукой голову, сидела Марья Семёновна в кабинете, перед видеотелефоном, перекидным календарём и алфавитником.

Праздник всё же получился... Только с хвойным экстрактом перестарались: уж очень резко, неправдоподобно пахло лесом. Зато запаха гари совсем не чувствовалось.

И выступления ребят в общем прошли гладко... Правда, «Тачанку» танцевали без энтузиазма и в конце сбились: пулемётчиком у них должен был быть Петров, а они выступать с ним отказались. Замену пришлось выпускать. Без репетиции. В остальном — всё хорошо прошло. Родители остались довольны.

Марья Семёновна раскрыла алфавитник, придвинула поближе видеотелефон и набрала домашний номер дежурного механика. Минуту-другую экран оставался тёмным. Наконец появилась взлохмаченная голова Семёна Краснова.

— Здравствуй, Сенечка! Это из детсада Марья Семёновна. Узнаёшь? С наступающим тебя!

— Угу...

— Ты спал, что ли? Извини, что разбудила... Сенечка, у нас — ЧП. Погорели мы на празднике малость, Медведь наш пострадал: бок ему подпалило и внутри — не то предохранители «вылетели», не то ещё что...

— Старый ваш Медведь... списать его надо...

— Старый, конечно... А списывать жалко: славный он... Так у меня просьба к тебе: выйди первого числа на работу, помоги! Ты механик-то опытный! И руки у тебя золотые!

— Первого — выходной...

— Знаю, что выходной... Сочтёмся, Сенечка! Понимаешь, ребяташки видели его горелого... их это очень травмировало... ну, расстроило. Вот я и хочу, чтобы после праздников он их встретил как ни в чём не бывало: идут это они в детсад, думают, что никогда больше своего Мих-Миха не увидят, а Мих-Мих — будьте любезны — стоит у входа и всем: «Добро пожаловать! С Новым годом!» Выручай, Сенечка!..

Голова на экране склонилась сначала на одно плечо, потом — на другое... потом неохотно кивнула.

— Ну вот и умница, вот и умница! Значит, первого я тоже выхожу к десяти часам и жду тебя в кабинете. Ещё раз с наступающим! Иди — додрёмывай...

Опустив трубку, она перевернула несколько страниц алфавитника. «Может, попросить Краснова сте-

реть в памяти Медведя сегодняшний день?.. Стереть начисто! Будто ничего такого с ним и не происходило — никакой ёлки, никакого пожара... Нет, не стоит, пожалуй, не стоит...»

Она нашла нужную страницу.

— Так... Петровы...

Петров младший сидел в большой комнате перед телевизором и смотрел хоккей. Смотрел и никак не мог сосредоточиться, перед его глазами стояла одна и та же картина: неподвижный Мих-Мих с обгоревшей шкурой, залитой жёлтой пеной...

В спальне Петров старший, развалившись на тахте, решал кроссворд.

Зазвонил видеотелефон.

— Алло... Здравствуйте, Марья Семёновна, здравствуйте! Извините, у нас что-то третий день аппарат барахлит, видимости нет... Спасибо! Вас тоже... Всех вам благ в новом году!.. Да, никак не смогли — работы под Новый год всегда невпроворот!.. Удался праздник?.. Ну и славно!.. Да. Слушаю... Так... Да, да... Вот негодник!.. Конечно, конечно! Да я уже с ним не один раз, Марья Семёновна, говорил... Хорошо, хорошо. Вы уж извините... Сегодня же! Сейчас же! И со всей строгостью! Со всей... Будьте здоровы, Марья Семёновна!..

Глава семьи удручённо покачал головой, пошарил по карманам в поисках папирос, вспомнил, что бросил курить, махнул рукой, растерянно осмотрелся. Взгляд его задержался на фотографии родителей: показалось, будто отец подмигнул ему и насмешливо пошевелил усами...

Давным-давно, когда Петров старший никаким ещё старшим не был, а бегал в третий или четвёртый класс, отец угостил его ремнём — единственный раз в жизни. За что угостил, за какую провинность — забылось, былём поросло, но само «угощение» запомнилось навсегда...

Петров старший, поправив на

плечах подтяжки, вышел в коридор, поскрёб в затылке и направился в большую комнату...

Мама Петрова проснулась, как обычно,—едва хлопнула наружная дверь квартиры. С нынешней осени сын по утрам всё делал самостоятельно: вставал по звонку будильника, неслышно умывался, одевался, съедал приготовленное с вечера яблоко или апельсин и уходил в детский сад. Удар двери—сигнал для матери, пора и ей подниматься! Так—каждый будний день.

Она потянулась, встала. Поставила разогреться чайник. Потом заглянула в комнату сына, поправила застланную им постель. Взбывая подушку, с удивлением обнаружила, что она влажная. Недоуменно посмотрела на потолок—не протекло ли от соседей, на батарею отопления, на графин с водой... Видно, пить ночью захотел парень, пролил спросонья...

Семён Краснов потрудился на совесть: второго января Медведь с посохом в лапах, в шубе и шапке Деда Мороза важно стоял у входа в детский сад.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! С Новым годом!

Радовались при виде его и взрослые и ребята. Страхивая с себя остатки сна, малыши подбегали к Мих-Миху, дёргали за полы шубы, улыбались.

Медведь собирался уже уходить, когда из-за угла появился Петров. Робот узнал его по треуху—Петров шёл, опустив голову, волоча за собой неразлучную клюшку.

— Попался, мазурик!—схватил его за руку Медведь.—Попался!..

Мальчик остановился, поднял голову и тут—от уголков рта—начала расползаться на его лице недоверчивая улыбка...

— Мих-Мих...

— Чего скалишься, негодник?! Ремень по тебе плачет! Ремень!..

Моя бы воля—выдрал тебя, как сидорову козу!

— Непедагогично это, Мих-Мих...

— Непеда-го-гич-но?!

— Так мой отец сказал. Да уж лучше бы выдрал! Хоть бы знал, что это такое. А то целый час воспитывал, воспитывал... словами. Я и без его слов... И телевизор выключил—не дал хоккей досмотреть. Правда, мне и без того смотреть расхотелось...

— Значит, не выдрали?—Медведь отпустил парнишку.—Обошлось, значит... Ну ладно!—Он распахнул дверь и подтолкнул Петрова:— Ступай, поджигатель, в группу.

И Медведь стал расхаживать под окнами детского сада, бормоча себе под нос:

— А каковы «наши» родители? А? Соображают, что к чему! Педагоги!.. Зря боялся. Понапрасну переживал с самого утра за этого шалопая с клюшкой... И сестрицу Лису зря расстраивал... Да мы с тобой, Лиса, при таких-то родителях, в Новом-то году...

И он долго ещё маячил на своём посту, по привычке притопывая обутыми в валенки ногами, помолодевшими после учинённого механиком Семёном Красновым ремонта...

Татьяна ГАЛУШКО

Вглядываясь в портреты...

Разве портрет — только навечное отражение человеческого лица? В портрете мерцает, дрожит, пульсирует время — его живые и, стало быть, преходящие черты. В хорошем портрете видимы не только сегодняшние, но и завтрашние, будущие черты человека. Характер, душа, судьба.

Мой рассказ о тех портретах, чья ценность неизмеримо возрастает из-за имени изображённого человека. Будь под ними этикетка: «Портрет неизвестного юноши», мы отдали бы должное романтическим приметам времени и пошли бы дальше. Но эти портреты связаны с нашей памятью и любовью, хотя мы и видим их впервые.

ПОРТРЕТ ПЕРВЫЙ

Кудрявый нарядный мальчик стоит на стуле возле матери, положив ей голову на плечо. В руке у него роза — символ его расцветающей

А. С. Муравьева-Апостол с сыном Матвеем.
Репродукция картины Ж.-Л. Монье
(фрагмент).

жизни. Зовут мальчика Матюша Муравьев-Апостол, он — сын известного дипломата, писателя и путешественника.

Спустя жизнь в своих мемуарах Матвей Иванович Муравьев-Апостол, единственный живой из многочисленного гнезда Муравьевых, напишет:

«Пятилетний мальчик в красной куртке, изображённый на нашей семейной картине, был ярый роялист. Отец его садится, бывало, за фортепиано и заиграет Марсельезу, а мальчик затопает ногами, расплачется, бежит вон из комнаты, чтобы не слушать ненавистные звуки».

Мальчиком он жалел казнённого французского короля, революционный гимн пугал его. А в тридцать лет он готов будет умереть рядом с братьями Сергеем и Ипполитом в рядах восставшего Черниговского полка. Член Южного тайного общества, он служил в Семёновском полку в то время, когда гвардейцы-семёновцы подняли мятеж против бесчеловечности командиров.

Матвей Муравьев-Апостол и его братья сражались при Бородине, в 1814 году вошли в Париж. Это ему

14 декабря 1825 года на Сенатской площади — в столице Российской империи Петербурге — произошло восстание. В истории оно получило название восстание декабристов. Длилось восстание всего шесть часов, конец ему положили залпы царских пушек, но «Россия впервые, — писал В. И. Ленин, — видела революционное движение против царизма».

«Узок круг этих революционеров, — подчёркивал В. И. Ленин, анализируя причины поражения декабристов. — Страшно далеки они от народа», но и народные массы в то время «спали ещё непробудным сном». Декабристы были, по определению В. И. Ленина, «лучшие люди из дворян», они, «рождённые в среде палачества и рабопения», сумели подняться над обществом «пьяных офицеров, забияк, картёжных игроков, героев ярмарок... да прекраснотушных Маниловых» и пошли «сознательно на явную гибель».

Накануне восстания поэт-декабрист Александр Одоевский говорил: «О нас в истории страницы напишут!» Он был прав. О декабристах уже написаны сотни книг и статей, и всё равно каждая новая публикация о них читается с интересом и волнением.

Два ленинградских поэта — Татьяна Галушко и Герман Гоппе — предлагают вам сегодня свои материалы о декабристах. Мы посвящаем их 160-летию со дня восстания.

принадлежит крылатая фраза. На вопрос следствия: «Откуда взялся ваш революционный образ мысли?» — он ответил:

— Мы были дети 1812 года.

Матвей Муравьёв-Апостол пережил тридцать лет сибирской ссылки и вернулся в Россию патриархом декабризма.

ПОРТРЕТ ВТОРОЙ

На коленях сидящей в кресле матери полулежит отрок лет десяти — одиннадцати. Он смотрит на нас, зрителей, внимательно, задумчиво, как бы ища ответа на свои затаённые мысли. Это — Никита Муравьёв. Его отец — учёный, поэт, историк, попечитель Московского университета, двоюродный брат отца Матюши Муравьёва-Апостола.

Несмотря на юный возраст, Никита знаток и поклонник греческой республики, хорошо изучил античную историю, которую преподавал ему отец. На уроках они, как равные, беседовали о происхождении государства, о том, что наука история — хранилище человеческого опыта, кладовая нравственных примеров, источник духовного совершенствования. Вот почему в героях Греции Никита видел живых людей. На детских балах танцмейстера Иогеля, где бывала вся Москва, Никитушка Муравьёв поначалу стоял у стены, недовольно глядя на резво прыгающих в кадрили сверстников. Мать спросила:

— Почему ты не танцуешь?

— Да разве Катон и Аристид танцевали?

— В твоём возрасте — непременно, — находчиво ответила Екатерина Фёдоровна Муравьёва.

С этого дня и он стал танцевать.

Муравьёвы с детства ненавидели крепостное право. Когда учившихся в Париже сыновей Анна Семёновна Муравьёва-Апостол везла на родину, она приказала на русской границе остановить карету. Все вышли и поклонились отеческой земле. А потом мать тихо сказала:

Е. Ф. Муравьёва с сыном Никитой.
Репродукция картины Ж.-Л. Монье.

— Я должна сообщить вам ужасную новость. В России вы найдёте рабов.

Братья Муравьёвы-Апостол никогда не забывали этих слов и поклялись служить отечеству для избавления народа от рабского ига.

Летом 1812 года Наполеон с несметной армией перешёл Неман. Началась Отечественная война, в которой сражался весь народ, от мала до велика. Никита Муравьёв бежал тайком из дому, решив во что бы то ни стало вступить в ряды защитников Москвы.

Вечером к генералу-губернатору Ф. В. Ростопчину крестьяне привели юношу, утверждая, что он — французский лазутчик. Каково же было удивление губернатора, когда он узнал в юноше сына своих друзей Муравьёвых.

— Не вынес состояния бездействия. Мечтаю умереть за отечество! — пылко произнёс Никита.

— Сперва выучитесь говорить по-русски, а то патриотизма вашего никто не понимает, — ответил ему Ростопчин.

Никиту отправили домой. Но вскоре он настоял на своём и всту-

пил в армию. Из Гамбурга он писал родителям, что русские войска встречали «радостный шум бесчисленного народа». Впереди был Париж.

Возвратясь в Россию, Муравьёвы, «временные жители трёх столиц, с новым удовольствием увидели теперь Петербург». Они знали теперь цель своей жизни.

У мальчика, лежащего на материнских коленях, добрые и мягкие черты лица, но глаза его — зорки. Этот мальчик на заре своей жизни сказал: «Я всегда верил и верю ещё, что твёрдая и постоянная воля доходит всегда до своей цели. Она встретит на своём пути затруднения, препятствия, но они пройдут, исчезнут, а она останется».

Один из основателей первого тайного общества в России, автор проекта Русской конституции, предлагающей перемену государственного строя и освобождение крестьян, Никита Михайлович Муравьёв будет осуждён по первому разряду, на каторгу и бессрочную ссылку. «Затруднения и препятствия» окажутся не просто трудны, они будут стоить ему жизни. Весной 1843 года он умрёт на поселении в Иркутске.

Герман ГОППЕ

Два штриха к портрету И. И. Пущина

МОЙКА, 14...

Мойка, 12... Эта короткая фраза не требует объяснений. Она — как пароль. Стоит произнести её, и в сердце каждого из нас возникнет образ великого поэта в последние, самые трудные, самые горькие месяцы его жизни.

Прощаясь с жизнью, Пушкин прощался и с друзьями своей лицейской юности. Глубоко вздохнув, он сказал своему секунданту и тоже лицеисту Данзасу: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского, мне бы легче было умирать».

«Этот предсмертный голос друга дошёл до меня через 20 лет», — на такой скорбной ноте завершит свои знаменитые записки о Пушкине декабрист Иван Иванович Пущин. А в 1840 году он из сибирского далека будто услышит призыв друга, будто уловит его последнее несбыточное желание и напишет письмо лицеисту Малиновскому: «...Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история, то роковая пуля встретила бы мою грудь: я бы нашёл средство сохранить поэта-товарища, достояние России...»

Мойка, 14... Этот адрес не для всех прозвучит паролем. Люди, об-

няв прощальным взглядом окна последней пушкинской квартиры, могут и не заметить небольшой соседний дом. Да и чем он выделяется? Мемориальной доской не отмечен, а то, что старинный, — так мало ли старых домов вокруг.

А между тем, он достоин и мемориальной доски, и нашего пристального взгляда. В этом доме жил декабрист Иван Пущин. Давний и верный друг Александра Пушкина.

Мой первый друг, мой друг
бесценный...

В последний раз они обнялись
одиннадцать лет назад. Нет, не
здесь, — в селе Михайловском.

Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день
печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

«Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидеться... Шаткая эта надежда облегчала расставание, — через многие годы запишет Пушкин. — Ямщик уже запрят лошадей, колоколец брякнул у крыльца, на часах ударило три... Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сени. Пушкин ещё что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце со свечой в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: „Прощай, друг!“».

Друзья предчувствовали вечную разлуку.

Дальняя дорога предстояла Пушину.

14 декабря. Сенатская площадь. (Он покинет её одним из последних.) Мойка, 14. (Он сбросит шубу и только тут заметит, что она про-

МОЙКА, 12,
МОЙКА, 14

¹ А. Г. Муравьева — жена декабриста Никиты Муравьева; одна из первых прибыла к мужу в Сибирь.

И. И. Пущин.
Рисунок А. С. Пушкина.

дырявлена картечью.) Зимний дворец. (Пушин не дрогнет на первом и на всех остальных вопросах. Он будет своими ответами спасать друзей-единомышленников и в первую очередь — Пушкина.) Петропавловская крепость. (Здесь ему объявят приговор: вечные каторжные работы.) Шлиссельбургская темница. (Двадцать месяцев сырой полумглы и гулко-го одиночества.) А дальше — Сибирь, кандалы, этапы, десятилетия тюрьмы (почти вся жизнь). И поздняя обратная дорога. И мерцающий огонёк полусвободы на самом краю пути.

Много короче дорога поэта. Она оборвётся у Чёрной реки.

Друзья предчувствовали вечную разлуку. И всё-таки они встретятся ещё раз. Пущин так и напишет об этом: «Пушкин первым встретил меня в Сибири задушевным словом. В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А. Г. Муравьёва¹ и отдаёт листок бумаги...

Мой первый друг, мой друг
бесценный!

И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

*Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнание. Увы! Я не мог даже пожать руку той женщине, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга...

Записки и письма Пушкина утверждают: часто, очень часто озарялись его дни в сибирском заточении лучом лицейского братства, воспоминаниями картин детства.

Вспоминался дом на Мойке. Строгий и уже тогда старый, он распахнул двери перед юным хозяином Ваней Пушиным и его гостем — двенадцатилетним Сашей Пушкиным. Они ещё не лицеисты. Им ещё через несколько дней примерять первые лицейские мундиры.

Совсем скоро наступит 19 октября. И по счастливой случайности на шесть счастливейших лет их комнаты окажутся рядом. Пушкин потом напишет: «...над дверью была чёрная дощечка с надписью: № 13. Иван Пушкин; я взглянул налево и увидел: № 14. Александр Пушкин. Очень был рад такому соседу...»

Что-то было в этой цифре 14. Наверное, она явилась для Пушкина неким символом, неким обозначением встреч и разлук. Иначе зачем бы через многие годы, вспоминая о страшной вести, долетевшей в зимние сибирские сумерки 1837 года, он напишет, он подчеркнёт, что ворвалась она к нему в 14 номер (номером, по свойственной ему иронии, Пушкин называл свою камеру в Пет-

ровском заводе). Офицер из Петербурга скажет ему о смерти Пушкина: «Нечего от вас скрывать. Друга вашего нет. Он ранен на дуэли Дантесом и через двое суток умер...»

«Слушая этот горький рассказ, я сначала решительно как будто не понимал слов рассказчика, — так далека от меня была мысль, что Пушкин должен умереть во цвете лет, среди живых на него надежд... Размышляя тогда и теперь очень часто о ранней смерти друга, не раз я задавал себе вопрос: «Что было бы с Пушкиным, если бы я привлек его в наш союз и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю».

Безответный вопрос...

За несколько месяцев до смерти, в августе 1858 года, Пушкин закончил свои прекрасные записки. Каждая, даже мельчайшая подробность из жизни великого поэта будет освящена лучом мудрой любви.

Увы, в записках мало страниц. Что-то недоговорено в них, что-то недописано. Должно быть, щемящим чувством был полон автор. Ведь не случайно не точку, а отточие поставил он на последней странице. Ведь не случайно, поставив отточие, он сумел преодолеть тяжёлую болезнь и вновь — уже в последний раз — поехал из подмосковного Марьина по тяжёлой осенней дороге в Петербург, в город своей юности, в город, где растревоженная память могла подарить ему столько внезапных картин.

Он, конечно, пришёл на набережную Мойки. И стоял, задумавшись, перед своим домом и перед другим, соседним, особенно печальным в осенний день. Ветрено было или тихо, улетели багряные листья или витали ещё над окнами бывшей квартиры друга — кто знает...

Два дома на Мойке. Они стоят плечо к плечу, словно поддерживая друг друга. И нет на всей набережной более тихого места. Как будто сама история, заботясь о том, чтобы чувства и мысли наши не вспугнули городские шумы, распахнула над домами прозрачные крылья тишины.

ЛИЧНАЯ ПРОСЬБА

И. И. Пущин оставил нам не только записки. Время сохранило сотни его писем. И если их читать внимательно, они могут много рассказать о своём авторе — человеке благороднейшего характера и необычайной доброты. Обращаясь к родным, к московским и петербургским друзьям, Иван Иванович постоянно хлопотал за кого-нибудь из товарищей по несчастью, за новых сибирских знакомых, нуждающихся в поддержке.

И вдруг впервые прозвучала в письмах просьба личная...

Давайте вместе прочитаем три письма, которые И. И. Пущин отправил в Петербург Фёдору Фёдоровичу Матюшкину, другу лицейской поры. Письма посланы в 1852 и 1853 годах.

Более четверти века прошло с тех пор, как Пущин, лишённый чинов, дворянства, даже отчества, получил единственное звание — государственный преступник. Крепостные одиночки и сибирские тюрьмы были позади. Теперь он жил на поселении в крохотном городке Ялуторовске, приткнувшемся к берегу реки Тобол. Теперь его жизнь стала легче прежней. Впрочем, всё познаётся в сравнении.

В письме к Матюшкину от 25 января 1852 года как раз об этом и речь.

Пущин вспоминает радостное утро в Шлиссельбурге. Да, да, в Шлиссельбурге — в «самой ужасной тюрьме». «...Приносят мне умывальник, а вслед за тем чемодан. Вывели на гауптвахту, где я увидел двух товарищей. Мы до того обрадовались друг другу, что, когда надевали нам цепи, мне казалось, что это самый удобный наряд, хоть они были 10 фунтов² весу и длиною только в пол-аршина³. Трудно было попасть в телегу... Помчались по замёрзлой осенней дороге — тряско, но приятно дышать свежим воздухом и двигаться после тюрьмы».

² Десять фунтов — более 4 кг.

³ Пол-аршина — чуть больше 35 см.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ РАВЕЛИН
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ,
В КОТОРОМ СОДЕРЖАЛИСЬ
ДЕКАБРИСТЫ

Сибирская каторга казалась облегчением! Но и это в прошлом. У Пущина, хоть и не очень уютное, но своё пристанище, а ещё есть горячо любимая дочка — одиннадцатилетняя Аннушка. И нет только свободы. Всего-навсего — свободы. И ещё неизвестно, придёт ли она когда-нибудь.

А дальше в письме гордая и в то же время по-доброму улыбка фраза: «Ты напрасно говоришь, что я 25 лет ничего о тебе не слышал...» И выясняется, что из невыносимой дали он умудрялся следить за всеми морскими экспедициями единственного из первого лицейского выпуска мореплавателя. И грустно шутит: «Как бы тебе опять отправиться описывать какой-нибудь другой мыс Матюшкина, — тогда бы и меня нашёл — иначе вряд ли нам встретиться». Оказывается, помнит Пущин и об этом небольшом мысе в Чаунской губе Восточно-Сибирского моря, названном в честь друга-мореплавателя.

А где же личная просьба? Она появится в следующем письме, семь месяцев спустя. Уж очень непросто Пущину просить что-нибудь для себя даже у близкого человека.

Ф. Ф. Матюшкину. 9 сентября 1852 г. Ялуторовск. Письмо начинается с дружеской шутки. За ней живой интерес к деятельной жизни друга. «С июля месяца зрительная твоя труба помогает мне тебя отыскивать...»

Так хочется Пущину обмануть расстояние... И вот, наконец, самые

ЯЛУТОРОВСК.
ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ
И. И. ПУЩИН

трудные строки: «Теперь хочу тебя попросить об одном деле. Ты поступи со мной откровенно. Если можно, сделай, а не то откажи прямо».

Ещё не раз в этом письме, переживая, мучаясь тем, что вынужден затруднять друга, он станет оговариваться, старательно объяснять ему всю правомерность его отказа. «Прощу только об одном: если нельзя, то сделай как будто я и не говорил тебе о теперешнем моём желании». А вот и сама просьба: «Моя Аннушка большие делает успехи на фортепиано — теперь учится, ходит к учителю, своего фортепиано нет. Хочется мне ей подарить хороший инструмент, а денег...»

Какие же у Пущина деньги, если он экономит на всём, и скромные переводы от родственников чаще всего идут в общую кассу, предназначенную для наиболее нуждающихся декабристов. И всё-таки Пущин остаётся Пущиным: «В будущем году этот долг уплотнится».

На полгода растягивается ожидание ответа, хотя совсем не медлил адресат. Слишком долго идут письма из одного конца необъятной империи в другой. Ещё дольше тащатся объёмные посылки по Сибирскому тракту, переваливаясь с одного возка на другой. Да и погода с её дождями, снегами, морозами грозит разрушить хрупкий инструмент. Но так заботливо, так по-морскому ладно запеленал Матюшкин фортепиано, что оно благополучно перенесло все невзгоды дальнего пути.

Ф. Ф. Матюшкину. Ялуторовск.
11 февраля 1853 г.

«...Сегодня представился случай обнять тебя, добрый друг, крепко,

крепко, очень крепко. Что я могу больше сделать, читая твоё письмо...»

Вы чувствуете, каким волнением пронизаны строки?!

«Фортепиано в Сибири будет известно под именем лицейского; и теперь всем слушающим и понимающим высказываю то, что отрадно срывается с языка. — Аннушка вместе с музыкой будет на нём учиться знать и любить старый Лицей!..

...По инструкции, я вынул фортепиано из ящика — в субботу оно будет поставлено на место, а в среду будет открытие — знай, что 18 февраля Аннушка на нём играет.

Всё сохранно дошло — очень нарядный инструмент. О звуке будет речь после. Не может быть, чтобы не было отличное фортепиано, когда выбирал его Яковлев, наш давнишний певец».

Как радостно было узнать Пущину, что в оснащении «дружелюбной экспедиции» участвовал ещё один лицейский друг — Михаил Лукьянович Яковлев. Именно он, превосходный музыкант, составил и приложил к посылке подробную инструкцию и установил «срок карантинных мер».

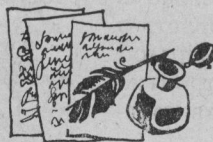
14 дней медленно отогревался инструмент, прежде чем Аннушка тронула его лёгкие клавиши. Но об этом торжестве музыки, любви, дружбы рассказано уже в другом письме. А письмо это завершается подписью странной и непонятной, нет, не для нас с вами, а только для тех, кто ничего не знает об И. И. Пущине.

Вот эта подпись:

«№ 13 в Лицее.

№ 14 в Петровском».

Рис. О. Вороновой.

МИХАИЛ ГЛИНКА ПЕТРОВСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

ЧАСТЬ II

РИСУНКИ

Ю. ШАБАНОВА

НЕОЖИДАННЫЙ ПЛЕННИК

В лагере была объявлена военная игра. На несколько дней отменялась проклятая физзарядка. На войне-то ведь её нет?

Как только определилось, какая из рот остаётся, а какая уходит, чтобы потом на лагерь напасть, отношения между будущими противниками прервались. Ещё сутки им предстояло сидеть рядом в столовой, спать в палатках, расставленных вдоль линейки, подчиняться общим сигналам горна, но граница уже пролегла.

Вечером, перед самым отбоем, около палатки Митиног взвода раздался крик: «Уйдёт! Держи!» Брезент совсем рядом с Митиной койкой прогнулся под напором барахтающихся тел. Кого-то уже поймали.

— Отпустить! — приказал Седых, к которому привели пойманного. — Игра начинается в семь ноль-ноль завтра. Ну, кому сказал? Отпустить!

А встав утром, Митина рота узнала, что «противника» в лагере нет, ушёл ночью на шлюпках.

— В лесу и по берегу расставить посты, — приказал командир роты. — Усилить бдительность. В самом лагере и его окрестнос-

тях возможно появление шпионов и диверсантов...

Митя и его товарищи понимали, конечно, что это игра, но лицо у командира роты было серьёзным, маленькие его глазки сузились ещё больше. И это их всегда сияющий Папа Карло?

— Нелидов, после роспуска строя — ко мне, — негромко обронил во время обеда Тулунбаев. Лейтенант произнёс эти слова тихо, и Митя в ответ даже не кивнул, ответил лишь глазами, а самого уже глодало любопытство — зачем?

Лейтенант Тулунбаев вызывал Митю неспроста. Митю, Толю Кричевского и Колю Ларионова посылали в разведку. Нужно было выследить, куда отправился и где обоснуётся «противник».

— Почему посылаю вас? — спросил лейтенант. — Именно вас? А не лучших бегунов или пловцов? Объяснять? Или не надо?

Тулунбаев никогда не говорил им в лицо ничего приятного, он и сейчас вроде ничего такого не сказал, но Мите стало жарко. Хвалит, что ли?

— Вот сухой паёк на сутки, — сказал лейтенант. — На вечерней проверке объявят, что вы — на дальнем посту.

Тут только они и поняли, что идут в разведку сейчас же, из этих густых кустов, куда, как бы

гуляючи, Тулунбаев не спеша их отвёл. На сутки? Значит, и ночевать в лесу? Они переглянулись.

— Жду донесений, — сказал лейтенант.

Лагерь стоял метрах в двухстах от берега, со всех сторон его окружал лес. Если бы «противник» двинулся на шлюпках к югу, то разведка, в которую отправили Митю и его товарищей, была бы для них весёлой прогулкой. К югу, в сторону станции и Ленинграда, лес становился всё светлей и суше — лёгкие, прозрачные боры, ясные озёрца-пруды с песчаными берегами, широкие просёлки...

Но шлюпки ушли на север. Лес к северу от лагеря с каждым километром становился всё мрачней и глуше. Здесь не было уже никаких просёлков, а если в лесу и встречалась тропинка, то, во-первых, не совсем ясно было, человек её протоптал или зверь, а во-вторых, и вела-то она из-под густого папоротника да прямо в непроходимое болото... Тут и там в лесу стали попадаться упавшие от старости ели. Корни их, вздыбившись, держали вместе с землёй всё, что росло вокруг — траву, мох, даже кусты... Русалочки были места.

Первым остановился Ларик. И Митя сразу остановился. И Толя. Чего-то, ставшего уже таким привычным, сейчас не хватало. «Команд», — понял вдруг Митя. Ясных, определённых команд, после которых нет уже никаких сомнений, что нужно делать.

— Ну, кто будет командиром? — спросил Ларик, который угадал Митины мысли. Митя с Толей посмотрели друг на друга. Хоть Ларик и спросил первым, но не ему же быть у них командиром! Хотя отец у Ларика и был адмирал, но в самом-то Ларике дружка эта — самому командовать — вконец ослабла.

Митя и Толя смотрели друг на друга. И Митя вдруг понял, что лучше и дороже подарка для Толи Кричевского ему, Мите, сей-

час, да может, никогда больше, и не сделать.

— Пусть Толик будет, ладно? — спросил он Ларика, и тот кивнул, сразу согласившись.

Какое это всё-таки счастье — отдать другому то, что так хотел бы взять сам! Всего и сказал-то Митя одну фразу, и Ларик лишь кивнул, но Митя тут же не то чтобы догадался, а, подобно фотоаппарату какому-нибудь, сразу зафиксировал, что от Кричевского к нему идут невидимые, но такие сильные и тёплые лучи! Толя, однако, никаких слов произносить не стал и радость свою — обрадовался же он? — никак не обнаружил. «Молодец», — подумал Митя. А когда увидел, что Толя заставил себя нахмуриться, так почувствовал к нему ещё большую симпатию.

— Тсс! — вдруг прошептал Толя и махнул рукой книзу.

Они сразу пригнулись. В дальних кустах, то пропадая, то появляясь снова, двигалось белое пятнышко бескозырки.

— Бескозырки снять! — прошептал Толя. Это была его первая команда.

Запихав бескозырки за пазуху, они крадучись двинулись к дальним кустам.

Сначала они думали, что гуляка оказался в лесу нечаянно, но чем дальше, тем всё более становилось ясно, что двигается тот, явно скрываясь. А путь его лежал вдоль озера, в ту же сторону, куда двигались и они. Тоже разведчик? Но чей?

— Надо перехватить! — прошептал Толя. — Вон он!

Временами они хорошо его различали. Несколько раз он оглядывался, и тогда они замирали. Он был примерно такого же роста, как и они, но в лесу было сумрачно, и они никак не могли разглядеть его лицо. Но походка, движения...

— Да это же... Карасёв! Женька Карасёв!

— Точно!

Карасёв был нелюдимый парень

из их же роты. Дразнили Карасёва так: на асфальте рисовали мелом круг, а в кругу квадрат. А обозначало это угловатую голову Карасёва в бескозырке.

Но куда же он сейчас-то так спешит?

Они удалились от лагеря километра, наверно, уже на три, а Карасёв всё так же деловито двигался вперёд. В руках он нёс свёрток.

Сквозь деревья открылось небольшое поле и остатки строений. Карасёв пробирался к этим развалинам. Зайдя за невысокий земляной холмик, он вдруг пропал.

— В обход, — скомандовал Толя. — Быстрей!

Мите досталось огибать всё поле. Показывая ему знаками, чтобы подходил скрытно, оба его товарища ждали его... около погребка.

— Ну, готовы? — одними губами прошептал Толя.

— А если там ещё кто-то?

Они прислушались. Голосов из погребка не доносилось, только какое-то шуршанье. Толя посмотрел им обоим в глаза и прыгнул в погреб первым.

— Встать! Руки вверх!

Да где там было встать?! Метнувшийся от них Карасёв застыл в темноте, а они поняли, что он тут один и что они его поймали.

— Попался? Что здесь делаешь?

Карасёв не отвечал.

— Отвечай, тебя же спрашивают!

И только тут они увидели, что стоят у открытого тайника: в стене погребка было вырыто углубление, и там виднелись консервные банки. Старый ящик, которым Карасёв маскировал свой тайник, был сейчас отодвинут.

— Это ты сюда натаскал?

Карасёв опять ничего не ответил.

— Тушёнка?

Карасёв продолжал молчать.

— Да ты что это? — угрожающе спросил Толя. — Тебя спрашивают — ты натаскал?

Женька кивнул. Он, казалось, совсем не был удивлён, что они здесь оказались. Будто даже ждал их.

— Будешь говорить?

Никакого ответа.

— Ну, раз не хочешь говорить... Отведём тебя под конвоем. Ребята, руки ему свяжем?

«Чем же это мы свяжем-то?» — стал придумывать Митя, но Карасёв вдруг заговорил:

— Чего связывать. Никуда я не побегу.

— Дай честное слово.

Митя посмотрел на пленника. Вид у Карасёва был голодный, а тут эта тушёнка, шпроты, сгущённое молоко... «Да что же это? Для чего?» — подумал Митя и увидел — в чёрных глубоко сидящих глазах Женьки залегла тоска.

— Дай честное слово, — повторил Толя.

— Ну, даю.

— Ладно, — сказал Толя. — Выходим.

А затем в кустах безразличным голосом, словно речь шла не о нём, Женька Карасёв сообщил, что продукты выменивает.

— А на что вымениваешь-то?

— На что придётся.

— Как это?

Подставив их взглядам угловатый и впалый висок, Карасёв отвернулся.

— Что на обмен носишь?

— Когда что...

— Что значит «когда что»? Что именно?

Глядя в сторону, Карасёв ровным голосом стал называть те мелкие вещицы, которые с некоторых пор в роте пропадали — перочинный ножик он назвал, ещё один перочинный ножик, кожаные перчатки...

— Так ты что... воруеть?

Карасёв наклонил голову. Они посмотрели друг на друга — Карасёв погибал у них на глазах, а они не знали, как ему помочь.

— А ты в зале тогда был?

Он опять кивнул, сразу всё поняв.

— И приказ тот слушал, да?
— Слушал.
— Так ты что?! Ты, может, сумасшедший?

Карасёв смотрел вниз.

— Может, и сумасшедший...

Они опять переглянулись. «Да нормальный он, как любой из нас, — думал Митя. — В чём тут сомневаться?»

— Отойди-ка, — сказал Толя Карасёву. — Нам поговорить надо.

Когда Женька отошёл, Толя произнёс свою первую командирскую речь. Она была краткая.

— Если играют в футбол и кто-нибудь сломает ногу, то что делают? Прерывают игру. И оказывают помощь. Потому что есть игра, а есть... поважней. Так что, раз уж вы меня... выбрали, я решаю так: сначала разбираемся с этим. Согласны?

— Тебе ведь сказали, что ты командир, а теперь опять — согласны, не согласны...

— Ладно. И второе. Раз уж нас послали как отдельный отряд, то у нас ведь и права особые?

— Ты это к чему?

— Ну, допустим, корабль в океане или отряд в тылу врага... И случилось ЧП. Там ведь на месте решают, не ждут. Расстреливают, допустим.

Ларионов и Митя поражённо уставились на Толю. Что он хочет этим сказать?

— Мы его судить должны, — сказал Толя.

— Мы???

— Мы.

— А как это мы будем его судить?

— А так. По праву отдельного отряда.

— То говорил, что это игра...

— Когда игра, а когда и не игра. Нелидов, приведи арестованного.

Митя поразился даже не тому, что Кричевский так раскомандовался, а тому, что встать и выполнить команду Толи оказалось вовсе не трудно. Что ли, голос у Толи оказался командирский?

Женька Карасёв стоял перед ними, и дурацкий его висок так и лез Мите в глаза.

— Сейчас судить тебя будем, — сказал Толя.

— Как это?

— А вот так.

Митя вдруг вспомнил, как во время стояния в актовом зале, когда начальник училища дал понять, что речь идёт о воровстве, ужас сменялся в нём надеждой, а надежда снова ужасом. Он вспомнил, как поклялся себе, что если только на этот раз судьба простит его, то он сделает что-нибудь очень хорошее... Спасёт кого-нибудь. И Митей овладело страстное желание спасти Женьку.

— Рассказывай! — приказал Толя. — И давай по порядку! Из-за чего воровал? Каким образом? Кто помогал? Всё рассказывай! И для чего продукты копил? Убежать собирался?

— Убегать? Куда?

— Вот и рассказывай.

Но рассказывать Женька не мог. Из него приходилось вытягивать по слову.

— У тебя это с каких пор?

— Что?

— Ну, вот это... продукты купишь? Что ты с ними делаешь? Ешь втихаря?

— Нет, не ем.

— Не ешь? А что делаешь? Продаёшь, может?

— Нет. Матери отдаю.

— Матери? Зачем?

— Да так...

Женька запинаясь, останавливался, совсем замолкал. Но Толя вытянул из него всё, что нужно было.

...Перед войной у Женьки была сестра, на год его старше. Сестру в одном из последних поездов из Ленинграда эвакуировали, самого же Женьку мать почему-то отправить побоялась. Поезд с детьми разбомбили... А с полгода назад, когда Женька был уже в училище, мать посмотрела какой-то киножурнал с куском хроники военных лет. Там были кадры, снятые

*«Они сразу пригнулись. В дальних кустах, то пропадая, то появ-
ляясь снова, двигалось белое пятнышко бескозырки».*

в детском доме. Женькиной матери показалось, что среди детей она увидела дочку. Мать бросилась узнавать — где снимали. Оказалось, оператор во время войны погиб, а где эти кадры снимал — неизвестно. Женькина мать решила, что дочка жива и что ей надо посылать посылки. Во всём остальном мать совершенно нормальная, ходит на работу, всё, что нужно, делает, разговаривает вроде бы, как всегда...

— А куда она эти посылки посылает?

— На Урал. В Алма-Ату. В Казань... Если обратно вернётся, она снова посылает... А если посылать нечего — то плачет...

Женька замолчал. Какое уж там судить! Мите и смотреть-то на него было больно. Но Толя Кричевский, хоть Митя и был уверен, что он думает так же, только губы сжимал.

— Так ты что думаешь, Карасёв... — сказал он наконец. — Что думаешь... — трудно было Толе говорить, но он всё же закончил: — Если блокада была, так теперь что хочешь делать можно?

Женька совсем съёжился.

— Да ладно тебе, Толик, — сказал Митя. — Ведь нельзя же, чтобы его выгнали!

Женька не повернулся к Мите, но Митя почувствовал, как к нему рванулась душа Женьки. Такой уж был у Мити сегодня день — слышать эти особые волны: сначала от Толи, теперь вот от Женьки.

— Всё равно судить его надо. Судить и наказывать.

И тут Женька вскочил. Он впервые стал смотреть им в глаза, он даже им в глаза заглядывал.

— Хотите, я сам... Чтобы меня... Хотите, я сам себе руку... Ну, отрублю?! А?! Ну, не руку... два пальца? Хотите? Вот сейчас? — Он даже смеялся чему-то.

Ребята онемели.

— Нет, ты всё-таки... того! — сказал долго молчавший Ларик. — Пальцы его нужны кому-то! Дуррик и есть!

Но нет, совсем не дурик он был! Глядя на него, Митя ясно видел, что Женька давно представлял себе, как его поймают и как будут наказывать. Женьке наверняка казалось, что жизнь его на этом прекратится — опозорят его, выгонят. Всё! А сейчас... Прошлую жизнь от будущей должно что-нибудь отделять... Но что? Боль? Страдания?! Женька сейчас не просто просил, он требовал наказания.

— Хотите — привяжите меня к муравейнику и оставьте! Тут недалеко муравейник есть... Здоровый! — Женька поднял голову. — А если вы ничего мне не сделаете, я сам... что-нибудь сделаю!

Они переглянулись. В его голосе они опять услышали отчаянье. И поняли, что он опять стал терять надежду на то, что когда-нибудь снова станет таким, как они.

— А что, — вдруг сказал Ларик, самый из них спокойный, — штаны пусть снимет и на муравейник сядет. А мы время засечём.

Женька замер.

— Ну, и сколько ему сидеть? — спросил Митя.

— До вечерней поверки! — крикнул Женька счастливо.

— От тебя, знаешь, что к поверке останется?

— Ну, тогда на целый час! А? Ребята?!

— У нас и времени такого в запасе нет... — пробормотал Толик.

Станный это был суд. Мите сначала казалось, что они шутят. Но шуткой это не было.

— Десять минут выдержишь? — спросил Толя. — Ставлю на голосование. Кто за то...

— Ты же... командир! — сказал Митя.

— А в суде командиров нет.

— Тогда пять, — сказал Митя, и Ларик его поддержал.

— Ладно, — сказал Толя. — Будь по-вашему.

Полуметровый муравейник был совсем близко. Когда они обступили его, он сначала казал-

ся просто кучей лесной трухи, но когда Толя поворошил муравейник палкой и на поверхности забелели горошины муравьиных яиц, что там началось!

Женька решительно скинул ботинки и стащил штаны робы. А Митя и Ларик посмотрели на Толю.

— Ну что вы на меня смотрите?

А они, ничего не говоря ему, продолжали на него смотреть.

— Ну что? — крикнул Толя. — Чего уставились?

Не станут они с Лариком ему этого объяснять. Не станут. Пусть сам поймёт. Женьке ведь и дальше среди них жить, а как ему жить, если он сейчас делает то, что собирается сделать?

— Надень штаны... — приказал Толя. — Рассупонился тут...

— Так что? — спросил ничего не понимавший Женька. — Что делать-то?

— Пусть руку сунет, — вдруг сказал Ларик. — На руке не кожа, что ли?

— Две! — мгновенно обрадовался Женька. — Обе!

Теперь Женька, надев брюки, скинул голландку и засучил рукава тельняшки. Он встал перед муравейником на колени и с каким-то странным выражением лица, словно в глубине муравейника должно было находиться что-то замечательно интересное, засунул в муравейник обе руки по локоть.

— Нелидов, считай!

— Раз, два, три, четыре...

Через полминуты Женька открыл рот и стал закатывать глаза. Муравьи судорожно сновали по его рукам и плечам. Некоторые уже добрались до шеи. Муравьи были крупные, коричневые, поджарые. Когда несколько муравьёв побежали по Женькиному лицу, он закрутил головой, но рук из муравейника не вытянул.

— Семьдесят восемь, семьдесят девять... — Митя считал как мог быстро, но муравьи, видно,

работали ещё быстрее.

— Сто девять, сто десять...

Отсчитывая секунды Женькиных мук, Митя вдруг подумал, что если делать всё по совести, то как это можно, чтобы блокадника Женьку судил бы он — Митя, всю войну пробывший в эвакуации? Да ещё эта красная га-лоша. А Карлуша?

Продолжая считать: «Сто пятьдесят два, сто пятьдесят три...» — Митя стал снимать с себя голландку. Толя и Ларионов смотрели на него изумлённо.

Митя стал засучивать рукава. К счёту «сто восемьдесят» он был готов. Никому ничего не объясняя, он шагнул к муравейнику, оттолкнул Женьку прочь, встал перед муравейником на колени и сунул свои руки в страшный шевелящийся мусор.

Как они сразу по нему забежали! И как сразу стали вцепляться! Сначала, правда, было ещё терпимо, но уже спустя секунд десять ему показалось, что руки его постепенно погружаются в кипяток... Муравьи хлынули в рукава тельняшки, полезли к подмышкам, побежали к шее...

Хватая ртом воздух, Митя чувствовал, как они копошатся уже около его ушей, бегут по лицу... Но он продолжал считать.

Только бы выдержать до трёхсот, до тех трёхсот, сто восемьдесят из которых уже отсидел тут Женька!

Митя продолжал считать, на него, ничего не понимая, смотрели с изумлением Толя и Ларик, а Женька в это время, подпрыгивая, хлестал себя тельняшкой по спине и бокам.

— Двести девяносто девять, — крикнул Митя, — триста.

Отпихнувшись от муравейника руками, которых уже не ощущал, он свалился на бок и отполз от муравейника на четвереньках.

А ещё минут через пятнадцать Толя, Митя и Ларик быстро шли по всё больше темневшему

лесу. Упавшие деревья, заросли густого подлеска и валуны по-прежнему преграждали им путь, но никто из троих мальчиков не обращал сейчас на эти преграды ни малейшего внимания.

Кожа на руках у Мити пылала, как настёганная крапивой, и чесалась зверски, Митю уже знобило, но он не променял бы этот вечер ни на какой другой. Толя и Ларионов поглядывали на Митю, обоим хотелось что-то у него узнать, но Митя, которого знобило всё сильнее, чесал свои волдыри (их высыпало всё больше), молчал и шёл первым. Митя понимал, что стоит ему что-нибудь сказать или просто остановиться, и он разревётся. И ещё он думал о Женьке, который продержался больше его.

Женьку они отправили обратно в лагерь, а с продуктами решили поступить так: незаметно подкинуть на камбуз и всё. А там уж разберутся.

Озеро они увидели сквозь деревья, а ещё через несколько минут, скрытые кустами, разглядывали раскинувшуюся перед ними озёрную ширь. Чуть правее из воды вставал небольшой лесистый островок.

— Вон! — прошептал Ларик. — Вон они!

Из-за мыса высовывалась корма серой шлюпки. Но вот корма, не трогаясь с места, пропала из виду — на её месте вырос куст.

— Маскируют!

Ветерок, шуршавший над озером, стих, и ребята отчётливо услышали, что с островка доносятся какие-то звуки: вот что-то звякнуло, потом раздался треск, опять что-то звякнуло...

Над водой вдоль берегов пролегли нити тумана. Спускались сумерки. На острове мигнул и через секунду исчез слабый огонёк — то ли закурил кто-то из офицеров, то ли тайком зажигали костёр. Но вот над деревьями

стал подниматься лёгкий дымок. На острове готовили ужин.

— А у нас-то с собой что? — спросил Ларик. — Может, перекусим?

— В лагере перекусишь, — ответил Толя. — Давай-ка беги всю, Расскажи, что мы увидели.

— Ну, нет, командир, так я не уйду, — сказал Ларик, порывшись в их общем свёртке. Он сунул что-то в карман, что-то сразу за щеку и только после этого, помахав им, побежал.

А Толя и Митя залегли в кустах, глядя на островок так, словно он мог сейчас сняться с места и уплыть, куда пожелает.

В НОЧНОМ ДОЗОРЕ

Странное состояние было у Мити той ночью, странное. Температура, конечно, поднялась, и Митя, если задрёмывал, то даже бредил, но и в бреду он помнил, что хоть ему и очень плохо, но болезнь его ненастоящая. Такое бывает после прививок — маяться маешься, но ведь серьёзного-то с тобой ничего произойти не может.

С вечера Митя с Толей успели наломать еловых веток, набросали на них сухого тростника и теперь, прижавшись друг к другу, пригрелись. Чёрной живой тенью залегло за соснами и кустами озеро. В камышах что-то изредка шлёпало и плескало, — быть может, выдра охотилась за спящей рыбой или уткам снились плохие сны. Между деревьями, мягко кувыркаясь, проносилась время от времени летучая мышь, а чуть погодя, когда воздух между деревьями опять замирал, в траве и кустах можно было услышать еле слышное шуршание. Кто-то тайно куда-то полз. Зачем?

Странная это была для Мити ночь. Мите и в его бреду всё казалось, что он должен куда-то бежать или что-то перепрыгнуть, и сделать это надо немедленно. И про что только Митя за эту ночь не рассказал! И про галошу зло-

«Куров на койке валяется, а около него ещё человека четыре, самые здоровенные в роте. Жуют. На нас смотрят».

счастную, и про то, что чувствовал, когда гнали Курова, и про Карлушу, и про снаряд.

— Да врешь ты всё! — возмутился Толя. — Снаряд они развинтили! Да его если пальцем тронуть...

Тут, чтобы Толя поверил, Мите пришлось припоминать подробности — вплоть до того, как белый язычок, похожий на газосварку, высунулся из зажжённого бикфордова шнура...

— Значит, у тебя в голове вообще ничего нет! — взволновался Толик. — Пуговиц от вас не нашли бы... Понимал, что делаешь?

Впрочем, может быть, именно потому, что обычно замкнутый Толя так тогда разволновался, Митя столько ему про всё и рассказывал.

И тут вдруг заговорил Толя. А ведь он ещё никогда ни с кем в их роте не открывался. Бывает на озёрах такой предутренний тёмно-серый мрак, когда тебе несколько раз начинает мерещиться, будто ты уже различаешь что-то, а начнёшь вглядываться — ничего. Толя всё вглядывался и вглядывался в темноту, в эту ночь он глаза не закрыл ни разу, он вглядывался и говорил.

— Вы бумажные погоны рисовали?

— Рисовали.

— У нас с этого всё и началось, — сказал Толя.

Митя стал слушать. У них-то в роте, как всё это началось, так всё и кончилось — рисовали погоны, вырезали их ножницами, зашивали под воротники. Пока старшин рядом нет, погоны носишь, потом — комкаешь, чтобы не наказали. Неделью поиграли — и всё прошло.

— Нет, у нас серьёзней было, — сказал Толя. — У нас образовались с этими бумажными погонами две армии: в одной генералом Лёнька Глушков был, а в другой... Отгадай, кто?

— Ну, я ж никого там не

знаю... Ты, что ли?

— Нет. Я у Глушкова был заместителем. А там... Куров был.

— Куров?! Тот самый?

— Тот самый.

— Ну, и в чём командирство? У нас-то ни в чём — погоны себе рисуем, вот и вся игра.

— Нет, у нас иначе... Командир приказывать мог... Правда, мы-то с Лёнькой решили, что с самих себя начнём — командовать собой научимся. Утром водой холодной стали обливаться. Разговаривать решили только спокойно. Ни одного слова вранья. Слабых под защиту взяли... И тут вдруг узнаём — Куров как назвал себя командиром, так посылки стал отбирать. Кому что вкусное пришло из дому или кто что с увольнения вкусное принёс — отдай. Набрал себе помощников — самых здоровых, которые всегда хотят есть, и начал разбойничать... А Лёнька как про это узнал, так весь и побелел. Мы, говорит, с тобой, Кричевский, обещали слабых защищать? Значит, знаем, что делать. А Лёнька, знаешь, какой был?

— Почему «был»?

— А потому... Нет его сейчас. Вы нормы по прыжкам сдавали? Помнишь, как в первый раз на вышку влезть? Ноги трясутся... Но прыгнули всё-таки с трёхметровки, попадали кто как. А Лёнька подходит к преподавателю. «Можно, — говорит, — с пяти метров?» Тот удивился: «Ну, что ж, давай!» Все смотрят. Лёнька залез, стоит. Ему кричат: «Трусишь! Зачем просился?» Он, как услышал, так два шага — и головкой вниз. Вылезает, лицо, плечи — всё красное, ударился сильно о воду. Все уже молчат. А он подходит к преподавателю: «Можно с семи?» Майор на него смотрит, колеблется: «Пятёрку в четверти хочешь?». — «Хочу». — «Нет, — говорит майор, — ты чего-то другого хочешь. А чего?» Тот молчит. «Ну, давай!» Мы все стоим, слова теперь никто не произносит.

С семи метров-то! Но — прыгнул. И опять — головой вниз. И из воды уже: «Товарищ майор, с десяти можно?»

— Да в лагере такой и вышки нет, — сказал Митя.

— Мы в бассейне сдавали, там была. Но майор не разрешил. Ну, так вот сообщают нам, что дружки Курова опять что-то отобрали. Лёнька говорит: «Всё, идём!» А дело было здесь, в лагере. Вошли мы, значит, в их палатку. Куров на койке валяется, а около него ещё человека четыре, самые здоровенные в роте. Жуют. На нас смотрят. Куров жевать перестал. Он вообще-то старше всех был, года, наверно, на два. Из юнг пришёл. Лёнька повернулся ко мне и говорит: «Назад!». Ну, думаю, и ты трусил. Но он только в палатку нашу вернулся. А у нас там были лопатки сапёрные получены, как раз к занятиям. «Бери лопатку!» И сам взял. «Сними чехол! Пошли!» Иду за ним, а ноги заплетаются. Распахнул Лёнька полог, вошли мы. «Встань, Куров!» И лопаткой как рубанёт по столбу, на котором верх натянут — палатка так и затряслась. Все в роте знали, как он с вышки прыгал. Эти четверо повскакали с коек, и Куров поднялся. Лёнька их жратву с коек лопаткой же и поскидывал. К нему подступить пытались, он как махнёт лопаткой — все отскакивают. И прежде чем уйти, Курову говорит: «Учти, Куров, повторится — пеняй на себя!» А тот уже опомнился: зубами скрипит, глазами водит... В общем, назревало в роте дело... Да только нас в отпуск отпустили. А из отпуска Лёнька не вернулся.

— Как так? — спросил Митя, который уже всей душой успел поверить Лёньке Глушкову. — Как это не вернулся?

— Не вернулся...

Остров наконец целиком выплыл из темноты, но «противник», наверно, ещё не проснулся, и чёрные сосны на острове были заодно

с чёрными валунами, чёрным тростником и чёрными берёзами.

— Погиб, — сказал Толя. — Подорвался.

— Тоже... рыбу глушил? — холодея, спросил Митя.

— Нет. Просто шёл по лесу, задел за какую-то проволоку, а она к взрывателю тянулась.

— Где это было? — спросил Митя, ощущая непреодолимое желание приподняться с земли, на которую он так беззаботно, так бездумно лёг.

— Какая разница — где? В лесу, под Лугой. А думаешь, здесь сейчас ничего такого быть не может? — сказал Толя, словно чувствуя, как Мите хочется встать, и нарочно его испытывая. — Вот и сейчас мы лежим, а под нами, может, такая штука и закопана...

— Тут минёры облазили всё, — не очень уверенно сказал Митя.

— Облазили, не облазили... Каждый метр не прощупаешь.

— Да к чему это ты?

— А к тому... Кого что ждёт — это неизвестно. Вот Лёнька шёл себе просто по лесу. И нет его.

— Ну, так что ты хочешь этим сказать?

— Что?! — вдруг обозлился Толя. — А то, что ты, как недоразвитый! «Снаряд!» «Граната!» Хвастается ещё! Мало случаев знаешь, да? У тебя что — в жизни цели никакой нет?

— Какой цели? — удивлённо спросил Митя. — Ты о чем?

Цель у Мити вообще-то была... Ну, закончить училище как следует... Так ведь это у всех такая цель. А ещё? Какая ж ещё цель?

— А ты? — спросил Митя. — С тобой-то дальше что было?

Толя не ответил.

— У тебя правда сотрясение мозга было?

Толя молчал. Митя совсем не хотел его обидеть.

— Ну, нам так сказали. У тебя голова была пробита?

Какое-то странное было сейчас лицо у Толи, Митя никогда ещё такого выражения у него не ви-

дел. Губы у Толи были, как два кирпича, положенные один впри-
тирку к другому. Или это рассвет
виноват?

— Ты хотел бы обратно в ту
роту? — спросил Митя, поняв, что
на предыдущий вопрос Толя ему
не ответит.

— Обратно? — произнёс То-
ля. — Как это обратно? Нет. Надо
здесь.

— Что «здесь»?

Но Толя опять не ответил.

Деревья на острове уже можно
было различить по отдельности. И
опять, как вечером, в самой глу-
бине острова мигнул красноватый
огонёк. До ребят стали долетать
негромкие звуки, и вдруг отчёт-
ливо донёсся по воде стук — вид-
но, что-то тяжёлое уронили на дно
шлюпки.

— Бежать можешь? — про-
шептал Толя.

— Могу... Ясно, могу.

— «Ясно»... Не очень-то ясно,
больной вроде был.

— Да уже прошло.

— Ну, тогда дуй! Доложи, что
они проснулись и грузят шлюпки.

...Митя бежал сквозь рассвет-
ный, набухший сыростью лес, но
уже скоро ему стало казаться, что
это не он, Митя, бежит в лесу,
стоящем неподвижно, а всё наобо-
рот — Митя будто замер, в то вре-
мя как лес, накрываясь и охлёсты-
вая Митю мокрыми ветками, по-
нёсся мимо. Отдельно от себя слы-

шал Митя свои шаги, отдельно —
как громко стучит сердце...

За километр до лагеря он нат-
кнулся на свои дозоры.

Лейтенант Тулунбаев лежал в
своей палатке, не раздеваясь. Лицо
его было накрыто фуражкой.

— Товарищ лейтенант...

— Слушаю, Нелидов, — ска-
зал лейтенант из-под фуражки, буд-
то вовсе и не думал спать.

А через пятнадцать минут в
большой палатке Митиною взвода
было уже пусто, в ней остался один
только Митя. Рота строилась на ли-
нейке, а Митю это построение
сейчас не касалось.

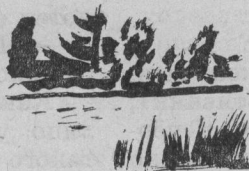
И всё-таки, прежде чем за-
лезть под одеяло, Митя подошёл
к пологу и выглянул в щель. Рота
стояла повзводно, перед Митиной
палаткой выстроился второй
взвод, а перед соседней палат-
кой — третий.

Митя нашёл глазами Карасёва.
Женькиных рук отсюда видно не
было, но Митя видел Женькино
лицо. Лицо было как лицо. Нор-
мальное.

И, забираясь под заправленное
ещё со вчерашнего дня одеяло,
Митя почувствовал, что он не
только дрожит, а весь сотрясает-
ся. Это был настоящий озноб, но
озноб счастливый — Митя ещё ни-
когда не испытывал такого нас-
лаждения просто оттого, что ло-
жится в постель и наконец-то мо-
жет закрыть глаза.

Конец второй части.

Через два часа началось наступление «противника» на Митин лагерь,
обороняемый «войсками» Папы Карло. Но
об этом сражении,
о докладе Мити Нелидова в Географическом обществе, когда перед
ним оказались совершенно неожиданные слушатели,
о том, что за опыт проделал над самим собой Толя Кричевский,
о многом другом важном в жизни ребят Нахимовского училища вы
прочтёте в третьей, последней части повести, которую мы напечатаем
в будущем году.

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ!

Катины стихи мне понравились с первого чтения. Только мысленно я приписывала их человеку более взрослому и, доходя до подписи «Катя Заостровцева, 12 лет», немного пугалась. Мне хотелось видеть стихи в полном соответствии с натурой автора, а тут получилось что-то вроде «вундеркинда»...

Однако личная встреча отменяла все сомнения: Катя оказалась естественной, вдумчивой девочкой, серьезной, однако вполне раскованной. И с весьма разумным отношением к своим делам и занятиям. Ходила в клуб «Дерзание» при Дворце пионеров, писала стихи. Но школьные занятия потребовали большего времени и больших усилий. И Катя пока отложила и клуб и сами стихи.

— Как они у тебя пишутся! — спросила я Катю при втором нашем разговоре.

— Я пишу их так... — ответила Катя. И объяснила, как именно.

И я ей позавидовала. Мне, профессионалу, куда больше подошёл бы её литературный опыт — да и литературный метод этой девочки, у которой стихотворение начинается с мысли, с образа, но постепенно и упорно воплощается в слове. Я же прижизненно закабалена приходом-неприходом стихов...

Ты пиши, Катя, и сколько захочется, и когда сможется. Главное — живи по добру и по совести. А стихи потом прорастут.

Майя БОРИСОВА

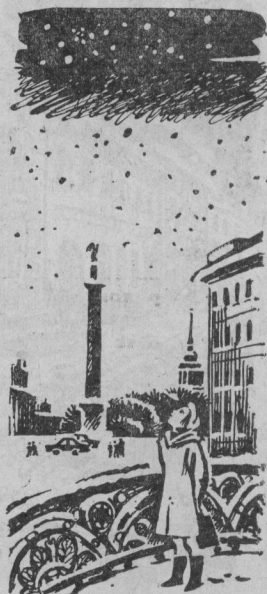
Катя ЗАОСТРОВЦЕВА

7-й класс, 171-я школа

Стихотворения

ЧЕЛОВЕК НЕ ОДИНОК

Я иду, вся закутана в воздух —
Эту грустно-прозрачную свежесть;
Дома — запах жаркого в ноздрях,
Дома я закутана в нежность.
В школе я искупаюсь в ученье,
Окунусь в болтовню переменок,
Закручусь в жарком вихре мгновенья
Мной полученных школьных оценок.
Я с продлёнкой бреду тротуаром
И домов любуюсь фасадом:
Понимаю, послушная чарам,
Что окутана всем Ленинградом.
А когда через мглу мирозданья
Встречусь взглядом со звёздочкой смелой,
Ощущаю тогда с замираньем,
Что вселенной окутана целой!

* * *

Когда всё вокруг улюлюкало,
Как будто бы здесь коррида,
И сердце у горла стучало,
Отсчитывая обиды,
Средь лиц, от злорадства не леченных,
Среди языков торчащих
Вдруг появилась девочка
И мне протянула ромашки.
Она не была мне подружкой,
Мы просто учимся вместе,
Но ради такого случая
Живёт человек на свете.
И я теперь знаю, что делать мне,
Хотя не родилась в рубашке:
Тому, кто устал надеяться,
Открыто дарю ромашки.
От сердца к сердцу на выручку
Плывёт небольшой букетик...
Мне всюду такая выучка
Звездой путеводной светит.
Обиды бывают не мелочны,
Но жить средь людей не страшно,
Когда есть такие девочки,
Которые дарят ромашки.

НАЙТИ СЕБЯ

По воздуху плывёт среди подруг
Снежинка нежно-голубая;
Легко она описывает круг,
Со встречным лучиком играя.
Земля — внизу, невядалеке...
С чем, беззаботная, столкнётся:
Угаснет, тая на щеке?
В грязи дорожной захлебнётся?
Пусть лучше вихрь — беглец шальной —
Её в хмельном закружит танце,
Чтоб перестал простор земной
Ей пастью чёрною казаться!
Нет, жизнь свою она продлит,
Откроет смысл её и вскоре
Пушистый белый воротник
Земную грудь тепло укроет.

ПУШКИНУ

Упругий ритм твоих волшебных строчек
Дарил мне и русалок и чертей,
В кроватке детской мне являлись ночью
И Спящая царевна, и Кощей.
Я подросла. И ты открыл глаза мне
На грусть и роскошь осени златой,
И на Кавказ, воздевший к небу камни,
На прелесть дней, сияющих зимой.
Что свет и тьма, рычание и ласки,
Что колдовство, борьба добра и зла
В природе — этой вечной сказке,
Тебе благодаря я поняла.

* * *

Замолкла унылая нота
Осенней бесцветной поры,
Искрится снегами природа,
И люди ждут Нового года,
И слышится смех детворы.

И всё повторится сначала:
Каникулов миг и весна,
Купанье, жара и вокзалы...
Но разве другой я не стала?
Я каждый раз та... и не та.

И Деда Мороза не жду я —
Он больше ко мне не придёт, —
И всё же смеюсь и ликую,
И всё ж с нетерпением жду я
Тебя, новый Новый мой год.

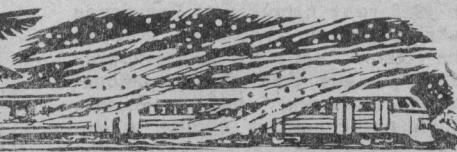

Рис. Л. Уральской

Есть люди, к которым неприложимы ни юбилейные даты, ни само понятие — юбилей, потому что они всегда в движении, всегда в пути. Таков ленинградский художник Валентин Иванович Курдов. Невозможно поверить, что этому энергичному, неутомимому в своём ежедневном труде человеку с руками мастера, исполнилось 80 лет.

По просьбе «Искорки» интервью у Валентина Ивановича Курдова взяла наш корреспондент Светлана Покровская.

Секрет молодости

— Валентин Иванович, расскажите, пожалуйста, как вы стали художником? Как это начиналось?

— Моё приобщение к профессиональному искусству началось очень рано...

Мы жили в Перми. Шла гражданская война. Нашу семью раскидало кого куда. Отец, земский врач, оказался в Сибири. Мать с двумя младшими, чтобы прокормиться, поехала на свою родину, на Урал, в деревню Шемаху. А я уговорил её оставить меня в городе под тем предлогом, что нужно продолжать учиться и сторожить квартиру. Но гимназию закрыли. Я бродил по улицам, и у меня кружилась голова от голода и самостоятельности.

Однажды я встретил товарища по гимназии. Он привёл меня в художественную студию. Мне было тогда 14 лет, и меня захватила мечта стать художником. Я забыл про всё — про дом, про семью. Вечно голодный, оборванный, немытый, я был счастлив за мольбертом и красками. Студия была вскоре преобразована в художественно-промышленные мастерские, а потом в художественный техникум. Я оставался там ночевать возле натопленной голландки, спал на полу. Летом мы выехали на дачу на берегу реки и начали жить коммунально. Получали паёк, варили обед...

Однажды я поехал в Пермь за продуктами — была моя очередь получать паёк на всех — и столкнулся на улице с родным дядей, который специально приехал, чтобы разыскать меня, так как мать оплакивала меня как пропавшего без вести.

...А в 1923 году я приехал в Ленинград поступать в Академию художеств, которая проводила свой первый пролетарский приём. Вид у меня был самый рабоче-крестьянский, портфель мой уместился в старинной плетённой из корней маминной корзинке и в академию меня приняли.

— А что вы любите рисовать больше всего? Есть у вас свои пристрастия, увлечения?

— Конечно, я рисую то, что люблю. Всю жизнь рисую я природу. Родная уральская природа запала мне в душу

с детства. Живёт во мне пейзаж. Но даже в детстве я не столько любовался природой, сколько впитывал её в труде, как говорится, в поте лица. Охотился, был подручным у мельника, работал на огороде.

Люблю рисовать зверьё — обитателей леса и поля, птиц... Особая моя любовь — лошади. Не пристрастие, а я бы сказал — страсть. В детстве, в деревне, где я жил, была у меня большая деревянная лошадка, обитая настоящей жеребковой шкурой, с натуральными хвостом и гривой. Сделал её деревенский плотник. Это была моя любимая игрушка. Может быть, тогда и запала в мою душу любовь к лошадям. В доме у нас было две лошади — Гнедко и Мухорка. Я гонял их с деревенскими мальчишками в ночное. По дороге наша ватага лихо скакала наперегонки.

Когда я служил в армии, в конной артиллерии, мы на коновязи ежедневно по четыре часа чистили коней. Я гордился тем, что в сменной езде ехал головным номером.

До войны в Ленинграде, в годы студенчества, я часто ходил рисовать на ипподром. Фаворитом бегов был тогда серый жеребец Любимец. Ездил на нём известный наездник Фёдор Московкин. В двадцатые годы сделал я и рисунки к книжке-картинке «Конница Будённого». Позднее я не раз возвращался к этой работе.

Неизменно меня влечёт к лошадям и теперь. В прошлом году был я на Мало-карачаевском конном заводе, на Терском заводе, любовался арабскими скакунами, видел знаменитого Асуана. Был на Пятигорском ипподроме. Познакомился с замечательными людьми — зоотехниками, селекционерами, начконами, тренерами, жокеями... Увидел молодую смену конников — мальчиков и девочек, влюблённых в конный спорт.

— Валентин Иванович, наши читатели хорошо знают детские книги, которые вы иллюстрировали. Их много, все они замечательны. А какие книги особенно дороги вам?

— Выбрать трудно. И всё же, если выбирать, то у меня три главные книги: «Лесная газета», «Рикки-Тикки-Тави» и «Калевала».

«Лесная газета» переиздавалась раз двадцать, если считать и зарубежные издания. Недавно мне прислали причудливое для нашего глаза японское издание — иероглифы с моими рисунками. «Лесная газета» — это энциклопедия природы для детей. И это годы счастливой дружбы с замечательным человеком — писателем Виталием Валентиновичем Бианки. Мы вместе охотились и путешествовали.

К Кипплингу я неоднократно возвращался. Меня всегда восхищала выразительность и точность его метафор. «Змея извивалась, как часовая пружинка». Чтобы это нарисовать, нужен был новый образительный язык. Именно с этих поисков, головокружительно интересных, началась моя работа и работа моих товарищей — Евгения Чарушина и Юрия Васнецова — в создаваемом при нашем участии Детгизе. Для меня начало Детгиза связано с Кипплингом.

— А чем привлекла вас «Калевала»? Недавно весь мир отметил 150-летие первого опубликования этого замечательного карело-финского народного эпоса, записанного и собранного финским учёным Лённротом. Расскажите о вашей «Калевале».

— Когда я познакомился с «Калевалой», я сразу понял, что это мой мир. Образы «Калевалы» реальны, они из народной жизни. Её герои близки мне своим

характером, своим отношением к труду. Это пахари, охотники, рыболовы, кузнецы, строители лодок, мореходы. Мужество, единоборство со стихией, великий крестьянский труд — так я понимаю свою «Калевалу».

Урал и карельский север близки друг другу. Кузнец Ильмаринен, например, вспахал змеиное поле. А разве северная тайга, нетронутый лес, весь в изогнутых корнях и корягах — не змеиное поле? Только человек способен его вспахать. А на помощь ему приходит железо — первый плуг. В «Калевале» дорого мне народное представление о природе и крестьянском труде.

— Расскажите, пожалуйста, как складывается ваш рабочий день? Как вы отдыхаете? В чем секрет вашей молодости?

— Я человек утренний. Работаю с утра. Утром тороплюсь скорее сесть за стол. Стараясь работать не меньше шести часов в день, а если позволяют обстоятельства, то и до ночи. Какие обстоятельства отрывают от рабочего стола? Заседания «Боевого карандаша», например, — с самого его рождения, с 1939 года, когда мы приготовили «Новогоднюю ёлку для белофинского волка», — два раза в неделю. Худсоветы, работа в различных жюри, выступления. Всё это я тоже люблю. Это тоже работа. Как отдыхаю? Не признаю такого понятия. Как и разговоров о здоровье. Копаю землю, хожу на охоту, выгуливаю своего пойнтера Робика, смотрю по телевизору программу «Время» и основные футбольные и хоккейные игры. Если нужно — делаю любую домашнюю работу.

— В ваших записках очень интересно рассказано о блокадном Ленинграде, о партизанском отряде Косицына, в котором вы находились. Есть ли у вас боевые награды?

— Есть. Есть медаль «За оборону Ленинграда». А недавно мне вручили медаль «Ленинградский партизан». Это самые дорогие награды.

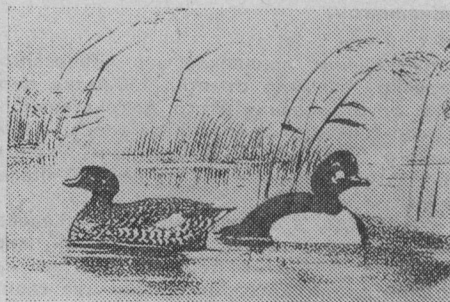
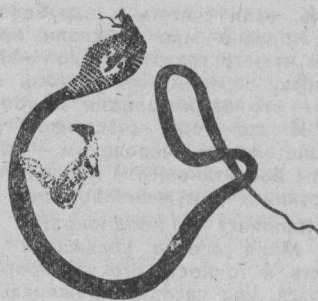
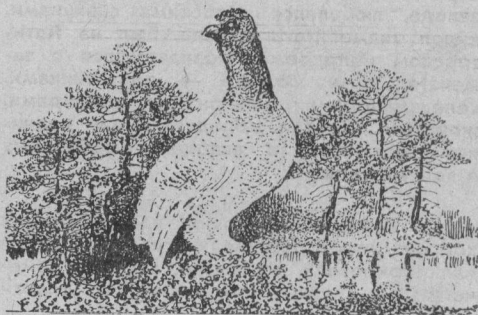
— Что вы пожелаете читателям «Искорки»?

— Жить с интересом, с любопытством ко всему. Но найти при этом своё дело.

— Спасибо. От имени всех наших читателей горячо поздравляю вас с юбилеем. Пионерского вам задора в труде! Кавказского долголетия!

Брала интервью
Светлана Покровская.

Воспроизведены рисунки В. И. Курдова к сказкам Р. Киплинг, «Лесной газете» В. Бианки и карело-финскому эпосу «Калевала».

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

Физическая шишечка

*рисунки
Ю. Богоскрёва*

До шестого класса череп у меня был гладким, как яйцо. А потом появилась шишечка. С этого всё и началось.

В шестом классе мы начали изучать новый предмет — физику. И должен сказать, что поначалу она мне очень не нравилась. Надо запоминать какие-то законы, вызубривать формулы, да ещё делать лабораторные работы.

Вёл физику новый преподаватель. Фамилия у него была — Фалин, но все тотчас начали звать его «Филин». Ходил он в чёрном костюме, при сером галстуке, был лыс, нос крючком и, действительно, напоминал филина, тем более что очки носил большие, будто мотоциклетные, и стёкла у них были какие-то странные, тонкие по краям и толстые в середине, отчего зрачки казались величиной с пятикопеечную монету.

Уроки проходили в кабинете физики, а лабораторные работы мы выполняли в специально оборудованном для этого помещении. Там сразу же у дверей находился помост, напоминающий эстраду. На нём стоял стол, за которым, скрестив на груди руки, нахохлившись, и сидел обычно «Филин», лишь изредка поворачивая голову то направо, то налево. Известно, что настоящие филины хорошо видят только ночью, а днём спят с открытыми глазами. То же самое про-

исходило и с нашим «Филином» — у него можно было проскользнуть под самым носом, он и не заметит.

Лабораторные мы делали, поделившись на группы по три человека. В той, в которую входил я, были ещё Лещуков и круглая отличница Белка Спиридонова.

Лещуков был трудолюбив, как муравей. О Белке и говорить нечего. Прежде чем приступить к выполнению лабораторной, они внимательно прочитывали методичку. Белка — раз пять-шесть, листая её с невероятной скоростью и что-то шепча, будто разучивая стихотворение. Лещуков, наоборот, читал медленно, как деревенский полуграмотный дед, водя по строчкам пальцем. После этого он подходил к верстаку и перебирал на нём приборы, словно подсчитывал их.

А я тем временем шнырял рядом, стараясь создать как можно больше шума, чтобы «Филин» обязательно обратил на меня внимание, а затем выжидал момент, когда он отвернётся, и незаметно выскальзывал за дверь. Минут двадцать носился я по коридорам или, пристроившись где-нибудь на подоконнике, читал интересную книгу, а за несколько минут до звонка подкрадывался к двери лаборатории, заглядывал в щёлку и, выбрав подходящий момент, прошмыгивал к верстаку. И тут уж устраивал такой трам-тарарам, что «Филин» просил:

— Самохин, можно потише — на три децибела?

Мне только этого и надо было. Я мгновенно успокаивался, а оставшихся нескольких минут было вполне достаточно, чтобы «скатать» у Белки результаты эксперимента и подсунуть листок «Филину», который визировал черновики, отмечая в журнале, что, мол, такая-то работа группой Лещуков — Спиридонова — Самохин выполнена.

Вот и в этот раз, с которого, собственно, всё и началось, я покрутился возле Спиридоновой. Потом стал глядеть, как Лещуков включил электроплитку и, отмерив

в мензурке нужное количество воды и перелив её в никелированный чайник, заткнул рожок чайника чёрной пробкой и поставил его на плитку, в которой уже начинала краснеть спираль.

Я погромыхал стулом, поёрзал на нём. Постучал по чайнику авто-ручкой, так что «Филин» обернулся. Теперь можно было и «сматываться». Когда я минут через пятнадцать вернулся, Лещуков и Белка что-то подсчитывали, сидя рядом, голова к голове, — на меня даже не взглянули.

В чайнике булькало — кипела вода, из рожка валил пар, а на верстаке, рядом с чайником, валялась чёрная пробочка. Я решил, что её вытолкнуло паром, быстренько поднял и заткнул рожок. А сам подошел к Белке, заглядывая через плечо, что она там пишет.

Чайник, будто разозлившись на меня, заворчал и стал нервно подёргиваться. В нём забулькало громче, вроде бы там кто-то покашливал. Затем он весь задрожал, вздохнул и на мгновение притих, будто к чему-то прислушивался.

Я чуть привстал. И в то же мгновение раздался хлопок, похожий на выстрел. Пробка выскочила из рожка и, просвистев в воздухе, попала мне в голову. Я подпрыгнул и, возможно, от испуга слишком резко отклонился. Стул перевернулся, и я грохнулся на спину.

— Что такое? — вскочил «Филин».

— Самохина убило! — завопила испуганно Белка. — Самохина убило!

Все ребята тоже вскочили и бросились ко мне.

— Убило! Убило!

— Нет, я не убит, я ранен! — мужественно закричал я.

К нам подбежал «Филин», руки у него дрожали.

— Несите его скорее в медпункт! — распорядился он.

Ребята подняли меня и понесли. Они очень старались, суетились, и от этого у них ничего не получалось. Очень забавно, когда тебя не-

сут. Я запрокинул голову, руки у меня безжизненно свешивались, а ноги волочились.

— Быстрее, быстрее! — закричали все и засуетились ещё больше. — Он умирает!

А я закрыл глаза и захрипел.

— Воды, дайте ему воды!

А позади всех бежал «Филин» — совершенно бледный, галстук у него сбился в сторону.

— Осторожнее, осторожнее, — повторял «Филин», — не уроните его, не ушибите.

Меня принесли в медпункт и уложили на диван. Врачиха попросила всех удалиться, остались лишь я да «Филин». Она сунула мне под нос ватку, смоченную какой-то гадостью, от которой в носу у меня засвербило так, что я вскочил.

— Вот, уже значительно лучше, — сказала врачиха. Она осмотрела мою голову. — Просто шишка. Ну, ничего, до свадьбы заживёт. — Забинтовала мне голову бинтом. — Один до дома дойдёшь?

— Дойду, — мужественно ответил я.

Она отпустила меня с последних уроков, а мне только этого и надо было. Я тотчас пошёл в кино и посмотрел подряд два фильма. Возвратившись домой, я повязку снял, но на следующий день, когда шёл в школу, повязал голову снова. Может, ещё раз с уроков отпустят...

Увидев меня, ребята подбежали:

— Ну как, Самоха?

— Ничего, — скучным голосом ответил я и поморщился.

Первым уроком у нас был русский письменный, разбирали контрольную, которая была день назад.

— Слишком много ошибок, — сказала Елена Фёдоровна, преподавательница русского языка. — Самохин. Три. — Она взглянула на меня, увидела бинт, и брови у неё удивлённо взлетели вверх. — Что с вами?

— Он у нас парран, — выкрикнул со среднего ряда Вовка Ильин.

— Что, что? — не поняла Елена Фёдоровна.

— Парран, значит — паром раненный.

И все рассмеялись. Я понял, конечно, что Вовка имел в виду, и все поняли, поэтому и смеялись так громко.

Вовке нравилась Белка Спиридонова, и он просто из всех сил старался, чтобы казаться остроумным. Шутка ребятам понравилась, и на перемене меня никто уже не называл по имени или по фамилии, мне все стали кричать: «Парран, парран», а некоторые, вроде бы оговариваясь, звали — «Баран, Баран» или даже «Бяша».

Бинт я, конечно, снял, но ребята, передразнивая меня, всё равно кричали: «Я не убит, я ранен». И мне стало ясно, что теперь на всю жизнь так и останусь с этим глупым прозвищем, если не придумаю что-нибудь такое, чтобы ребята про прозвище сразу бы забыли.

«А интересно, неужели меня в самом деле могло пробкой убить? — подумал я, возвращаясь домой. — С какой же скоростью она летела?»

Я решил подсчитать. Придя домой, открыл учебник по физике — оказывается, мы как раз проходили закон сохранения энергии. Но для того, чтобы определить скорость полёта пробки, мне потребовалось изучить и другие законы.

Выяснил, что убить меня не могло. Но что-то странное со мной произошло: чем больше я читал,

КЛАССИЧЕСКОЙ КРАСОТЕ ЛЕНИНГРАДА

(к рисункам на 2-й странице обложки)

*«...Нет
красивее
Ленинграда
никогда!»*

Да, именно классической красоте Ленинграда, цельному образу города посвящены наиболее известные графические работы Сергея Михайловича Мочалова (1902—1957). Две из них — «Дворцовая площадь» и «Зима в Ленинграде» — вы видите сегодня на второй странице нашей обложки. Вглядитесь — какой точный штрих, мастерство классической гравюры на дереве, рисунок!

Сергей Михайлович Мочалов приехал в Ленинград уже юношей, поступил в Академию художеств в класс признанного мастера ксилографии П. Шиллинговского. Работал молодой художник много, строгие требования учителя его не смущали, наоборот, постигая традиции и законы гравирования на дереве, он открывал в них новые возможности. Это доказали его работы в книжной графике 30-х годов. С. Мочалов иллюстрирует «Сказки» Пушкина, книги В. Бельх, О. Форш. Но город, образ города, навсегда завладел сердцем художника. Он рисует его улицы, архитектурные памятники, дворцы.

В грозные годы Великой Отечественной войны Сергей Михайлович Мочалов не покинул блокадного Ленинграда. Он работал, и по-прежнему на его листах возникал Ленинград. Не сдавшийся, суровый Ленинград-воин, Ленинград-труженик, любимый город, ставший для него родным. Многие гравюры Мочалова серии «Ленинград в дни Отечественной войны» (1944—1945) послужили основой для открыток военных лет. Поищите их в домашних архивах и обязательно найдёте. Ведь это на них писали краткие весточки родным из Ленинграда на Большую землю.

чем больше узнавал, тем мне становилось интереснее и интереснее. И физика чудодейственным образом начала превращаться в интересный предмет.

Мне прежде казалось, чем больше ты узнаёшь, тем меньше остаётся того, чего ты не знаешь. А оказалось — чем больше узнаёшь, тем больше становится того, о чём тебе хочется узнать. Это всё равно, как ты забираешься на гору: сначала, пока внизу, видишь мало и, кажется, ничего больше вокруг и нет, но чем выше ты залезаешь, тем шире и многообразнее становится мир, тем тебе интереснее.

Я вычитал, что однажды знаменитый английский учёный Исаак Ньютон решил немного отдохнуть. Он прилёг в саду под яблоней, с ветки упало яблоко и стукнуло его по голове. Ньютон вскочил, потёр голову и тут же открыл закон всемирного тяготения.

Может быть, весь фокус в том, чтобы тебя как следует стукнуло?

Теперь я самым первым прибежал на лабораторные работы, стараясь прежде Белки и Лешукова прочитать методичку. А когда у нас в школе открылся кружок по физике, я сразу вступил в него.

Весь наш учебник я изучил от корки до корки. И меня злило, что мы проходим его так медленно, вроде бы топчёмся на одном месте, когда впереди ещё столько интересного.

Перед Новым годом у нас в школе проводили олимпиаду по физике. Участвовать в ней из нашего класса «Филин» выделил троих. Конечно, Белку Спиридонову как отличницу, Вовку Ильина и, представьте себе, — меня. Честно говоря, я несколько оробел, а вдруг не выполню конкурсное задание и подведу весь наш класс?

Олимпиада проводилась в три тура. Мы, как на экзаменах, сидели на разных партах, и нам раздали билеты с вопросами, на которые полагалось ответить письменно и ещё решить несколько задачек.

Первый тур олимпиады прошёл

успешно, с конкурсным заданием справились все. И я слышал, как Вовка Ильин, когда мы вернулись в класс, сказал:

— А-а, семечки! Одной левой!

Второй тур был значительно труднее, и после него отсеялось много ребят, в том числе и Вовка. А мы с Белкой Спиридоновой — остались.

Самым трудным был третий тур. Здесь попалась такая задачка, над которой многие надолго призадумались. Среди них и Белка. Она сидела за соседней партой, и я видел, как она делала какие-то расчёты на листе бумаги, затем перечёркивала всё и нервно покусывала кончик карандаша. Я незаметно сместился на край скамейки, поближе к её парте и, вытирая шею, заглянул к ней в листок.

— Самохин! — заметив это, строго сказал мне «Филин».

— А чего? Я ничего, — ответил я. И странно, я поймал себя на том, что впервые заглядывал вовсе и не затем, чтобы списать у неё, а для того, чтобы ей помочь.

Но время уже вышло, и нас попросили сдать листки председателю жюри. Мы их сдали и вышли в коридор. А буквально через несколько минут нас снова пригласили в класс, где за столом ещё сидели все члены жюри.

Сразу было видно, что они взволнованы. Все говорили одновременно, махали руками. Нас попросили сесть, а когда мы сели, председатель комиссии, присланная к нам из РОНО пожилая учительница, поднялась и сказала:

— Ребята, мы должны перед вами извиниться, в конкурсные билеты по ошибке попала задачка на тему, которую вы ещё не проходили и будете её изучать только во втором полугодии. Поэтому, естественно, никто её не решил... — Она сделала паузу. — Впрочем, кроме одного мальчика, — и назвала мою фамилию. — Мы ему поставили пять. Но всё же, объясните, пожалуйста, Самохин, как вам это удалось сделать? Как вы додумались?

Я поднялся, но не знал, что и ответить. Я просто молча смотрел на членов жюри.

За меня ответил «Филин». Он снял очки, неторопливо протёр их стёкла платочком и пояснил членам жюри очень вкрадчиво и таинственно, а они смотрели на него с интересом:

— Вы знаете, Самохин — очень

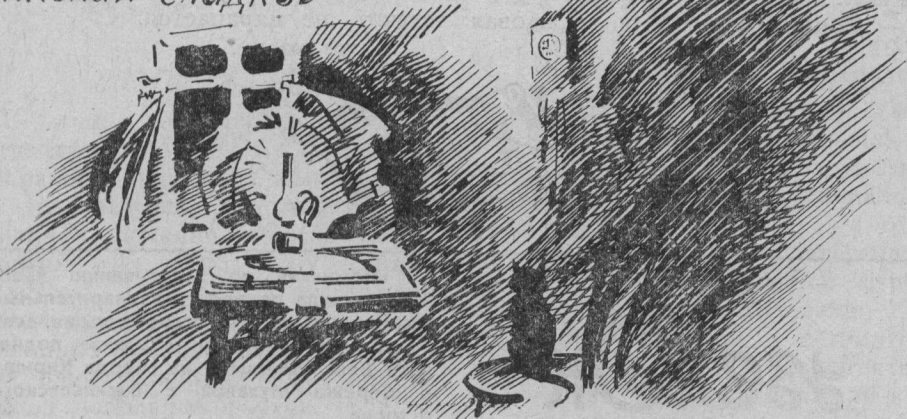
талантливый экспериментатор. У него — физическая шишечка.

И «Филин» снова надел очки.

От растерянности я приоткрыл рот, пощупал голову, а там, вы об этом уже знаете, и в самом деле — шишечка.

Но как же смог узнать о ней «Филин», если она — под волосами и просто так её не видно?

Николай Сладков

Домовой

рис. О. Недзвецкой

— Слышите?

Кто-то тихонько ходил по потолку на цыпочках. Тень, за окнами темно, а по чердаку кто-то ходит..

Лесник прибавил света в керосиновой лампе, я взял увесистое полено. Подставили лестницу, я поднялся по ней и со скрипом сдвинул крышку. Высунулся по плечи: темно, тихо, только сквозняк шевелит волосы.

Чиркнул спичку — задуло. И вторую и третью. Вспыхнут и сразу гаснут, ничего не успев осветить.

— Никого, — говорю я. — Странно...

А немного погодя снова на чердаке шаги, возня: то кто-то крадёт-ся тихо, то вдруг пробежит на пальчиках. Хозяйка кутается в платок, я, говорит, от страха вся в пупырыш-

ках. И лесник глаза прячет.

— Может, какой зверь лесной?

— Какой там зверь, — говорит хозяин. — Сроду такого не было.

И хозяйка поддакивает:

— Уж больно умён этот зверь, вот утром увидите, что натворит.

Утром увидели: блюдечко с крынками снято и сливки отпиты. В банке с засахаренным мёдом кто-то ковырял пальцем. Исчезла связка сушёных яблок.

— Губа не дура, а? — сказал хозяин.

— Такой за зиму ни с чем оставит, — вздохнула хозяйка.

— Кто оставит? — спрашиваю.

— Да домовый...

Ночью на чердаке опять кто-то возился и бегал на цыпочках.

Мы снова лазили на чердак и

чиркали спички.

И снова никого не было...

А через неделю домовый сам попался! Залез в стеклянную банку с подсолнухами, а выкарабкаться не смог. Сердито, как на пружинках, подскакивал на задних ножках, передними скрёбся о стекло, таращил чёрные выпуклые глаза. Шевелил усами и шмыгал носом.

— Крыса! — всплеснула руками хозяйка.

— Или полетуха? — засомневался лесник.

— Соня! — ахнул я. — Садовая соня!

— Хороша соня: сама не спит и другим не даёт! — повеселели хозяева. — Да пусть хоть садовая, хоть лесная — только бы не домовый!

А я подумал: почему же не домовый? Самый что ни на есть домовый — настоящий! Из леса в дом пришёл, поселился на чердаке, спит и ест в доме и без забот до весны бы прожил, хозяев пугая, не провалясь он в банку.

Теперь мы живём спокойно. Никто на чердаке не возится, на цыпочках не бегают. Не шуршит, не стучит, не царапается.

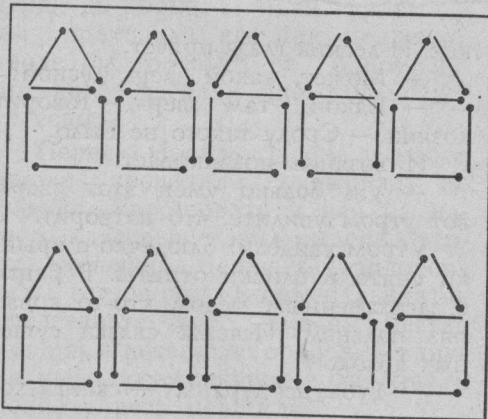
Даже жалко*..

узелок

Рис. Д. МАЙСТРЕНКО

Текст Ю. БУКОВА

Найдите похожие домики
Из тех, что построили гномы.

Один «альп-узел»

«Комиссия по запутыванию узлов» решила подвести предварительные итоги конкурса. На сегодня выше всех в турнирной таблице «Узелка» поднялись Лена Шварцева из города Кириши и Серёжа Муханов с Васильевского острова.

Определяя лучших, «Комиссия по запутыванию» сама чуть не запуталась. А всё потому, что нет ни приборов для определения сообразительности, ни даже единицы для её измерения. Поэтому «Комиссия по запутыванию» решила — ловкое распутывание самых простых «узлов» отмечать «альпинистским узлом», [коротко — «альп-узел»], и восхождением вверх по турнирной таблице на одну ступеньку. Ловкое распутывание более сложных «узлов» отмечать двумя «альп-узлами», и самых хитрых — тремя.

Сейчас у лидеров по четырнадцать «альп-узлов». У их ближайших преследователей — по тринадцать. Это — Юлия Мазурина из 69-й школы и Марина Осина из посёлка Сясьстрой.

Победителями восхождения на гору сообразительности будут названы те верхолазы, которые первыми наберут по пятьдесят «альп-узлов». Каждый получит приз — самый настоящий узел, запутанный самыми сообразительными альпинистами с их автографами.

Кроме того, «Комиссия» постановила: за вырванные из «Искорки» странички отбирать по два «альп-узла» и сбрасывать верхолаза на две ступеньки вниз.

Успешных вам восхождений, ребята!

— Вы, простите, к кому? — сурово поинтересовались они.

— К директору, — смело ответила я и добавила, — по личному вопросу.

Мальчишки переглянулись:

— Кабинет директора на втором этаже. Прямо по коридору.

Ещё на лестнице, на полпути к директору догнал меня звонок. Как водится, двери всех классов и кабинетов распахнулись почти сразу же. Перемена зашумела. Но чего-то не хватало в привычном её гаме. Ага, совсем не было слышно строгих учительских замечаний:

— Петров, не бегай, ты не конь!

— Девочки, прекратите визжать!

— Николаев, куда ты полез?

Не было замечаний. И вообще взрослых не было. Ни одного на всех четырёх этажах! «Ну вот, — подумала я, — эти детки сейчас перевернут всё ввёрх дном».

И вдруг звонкий девчоночий голос по трансляции перекрыл шум:

— Дорогие друзья! Напоминаем, что продолжается день самоуправления. Сегодня мы — хозяева в школе. Просьба не сорить, не ссориться, уважать друг друга...

— А если Горюнов из 6-в будет приставать к малышам, то я ему так врежу... — вдруг ворвался в эфир бодрый мальчишеский голос.

У микрофона произошла какая-то возня. И снова девичий голос сообщил:

— Извините за помехи, хотя, по существу, замечание верное. Итак, большая перемена. В буфете выставка-конкурс печенья «Осенний сон». Печенье приготовлено девочками 5-х классов. В спортзале «Ве-

сёлые старты» для начальной школы. В актовом — выступает агитбригада 8-б. В рекреации второго этажа разучиваем новый дискотанец... Хорошего вам отдыха.

Диско-танец разучивали как раз рядом с кабинетом директора. А в кабинете директора за большим полированным столом сидел юноша в синем школьном пиджаке, строгом галстуке и говорил по телефону:

— К сожалению, и завуча в школе тоже нет... Есть дублёр завуча девятиклассница Лена Шумилова. Да вы не волнуйтесь, задавайте свой вопрос, я попробую ответить. Правильно, к вам на фабрику сегодня придёт бригада... 20 человек, как и обещали. Нет, не с учителем, — с дублёром.

Юноша опустил трубку и вежливо представился:

— Здравствуйте, я дублёр директора школы Антон Томилин.

Только я собралась обратиться к Антону с вопросом, как дверь распахнулась и в кабинет ворвался взъерошенный мальчишка.

— Слушай, ты, директор, — заявил он с порога, — скажи моему Серёге, что приличные люди «двоек» друзьям не вкатывают.

— А ты, Быстров, конечно, всё выучил и только чуть-чуть забыл? — ехидно поинтересовался Антон.

— Эх вы, я-то думал, раз день самоуправления, то отдохну немного, а вы хуже взрослых! — Мальчишка повернулся, чтобы уйти, но столкнулся с девочкой-старшеклассницей, которая тоже влетела в кабинет.

— Антон, пришла машина за макулатурой, надо грузить!

— Так. Возьми Быстрова, он парень здоровый. А ты, Андрюха, собери пять-шесть ребят из своего класса, кто пока свободен. Ладно? — распорядился Антон.

— Ещё чего не хватало, — начал было Андрей, но потом махнул рукой. — Ладно, пошли, помогу.

В общем, с дублёром директора поговорить мне не удалось. Дел у него неупрочен. Только звонок приостановил эту круговерть.

— Через три минуты начинается четвёртый урок. Включаем стартовую музыку.

По трансляции раздались мощные аккорды. С каждым тактом они звучали всё тише и умиротвореннее, пока не погрузили школьные коридоры в сосредоточенную тишину.

В кабинетах к учительским столам встали ребята. Те, кому в день самоуправления выпала эта роль, готовились к своему единственному уроку, наверное, целый месяц. Они подбирали интересные примеры, задачки и упражнения, мастерили наглядные пособия, выверяли опыты и репетировали перед зеркалом строгую учительскую позу.

Работы в день самоуправления хватило всем. Кто вёл уроки, кто проводил перемену, кто раскладывал по тарелкам котлеты для ребят на продлёнке, кто дежурил на этажах, кто мыл полы...

И вот — не без комических происшествий, конечно, со случайностями и проблемами этот день всё же вполне успешно шёл к последнему звонку.

Едва прозвенел последний звонок, измучившиеся от волнения педагоги появились в школе и бросились по кабинетам: целы ли дети, целы ли парты, цел ли фикус в углу, живы ли хомяки в живом уголке?

На удивление, всё было в норме: и дети, и парты, и фикус...

— Через полчаса в актовом зале педагогический совет. Приглашаем всех! — вежливо сообщило радио.

Около актового зала мне попался Андрей Быстров, бурно споривший с тем самым Серёгой, который не по-

цадил его на алгебре и вкатил «двойку».

— Всё никак успокоиться не можешь? — спросила я Андрея.

— Подумаешь, двойка! Не в первый раз. Мы про другое спорим.

— Понимаете, Андрей считает, что весь этот день — ни к чему, — объяснил мне Серёжа.

— А по-моему, это так интересно, — сказала я.

— Сегодня — самостоятельные, а завтра опять дети? Чего же тут интересного! — заявил Андрей и рассказал нам с Сергеем историю, которую я ни за что бы не услышала, не будь дня самоуправления.

ПОЧЕМУ Я НЕ ОТЛИЧНИК. ПРИЗНАНИЯ АНДРЮХИ БЫСТРОВА, ШЕСТИКЛАССНИКА И ТРОЕЧНИКА:

— Я очень любил учиться. Раньше. Что было хорошо? Выучил буквы, научился читать — пожалуйста, бери любую книгу в библиотеке: про войну, про приключения, про индейцев. Считать научился — тоже

полезно, хотя зубрить таблицу умножения было скучно.

Теперь я узнаю всё больше и больше. Учусь, учусь, учусь... В глазах темно. Анна Ивановна меня ругает: «Быстров, опять задание не выполнил. Для кого ты учишься, спрашивается? Для меня? Или для родителей? Для себя! Как ты неучем будешь жить?» А я думаю вот что: неужели из-за того, что я сегодня не разрисовал цветными карандашами тычинки с пестиками, мне плохо будет жить? Я, например, хочу шофёром стать на дальних рейсах, так зачем же мне голову забивать лишним? Я в отличники не лезу. Получу «тройку», чтобы родители не ругались и Анна Ивановна меня не перевоспитывала, и доволен.

Так я думал.

А сегодня грузил с ребятами макулатуру, вокруг крутились пацаны-второклассники. Они, оказывается, её больше всех собрали. И всё время приставала эта мелкота с вопросами: «А сколько тетрадок из нашей бумаги можно сделать? А как из старой бумаги получается новая? А сколько деревьев мы спасли? А можно из них фрегат построить? Или нет? Что больше — фрегат или каравелла?» Я сначала пытался отвечать. Потом чувствую — не знаю, что говорить. А Наташка, которая у них сегодня за вожатую была, объявила: «Ребята, мы попросим Андрея прийти к вам после урока, и он ответит на ваши вопросы. Если сможет». И смотрит на меня ехидно.

Я стал собираться с мыслями. Вспомнил разом и историю, и физи-

ку, и математику, и ботанику... После уроков пришёл к пацанам на продлёнку.

Стал отвечать на их вопросы. А у них — ещё их десяток, совсем про другое. И ведь, чувствую, должен знать, проходили мы всё это. Должен, а не знаю. Ладно, до завтра попросил у них отсрочку. Думаю, будет время в книжках посмотреть.

Только ведь завтра я не нужен буду. Завтра день самоуправления кончится, и про всё им распрекрасно учитель расскажет. Вроде бы забота с плеч долой — а мне обидно стало. Малыши на меня так смотрели! А завтра я опять стану Быстрым-троечником.

Для кого я учусь? Может быть, для этих пацанов?

На вопрос Андрея мы с Серёжей ответить не успели, потому что начался педсовет. Выступить на нём мог любой — от первоклассника до директора. Директор, не дублёр, а самый настоящий, Андрей Александрович, говорил последним:

— Вы, ребята, просто молодцы. Столько интересного придумали. Танцы на переменках, математический турнир... Просто молодцы! Даже жаль, что раньше мы как-то мало вам доверяли.

— Можно вопрос? — поднялась рука с третьего ряда. — А как вы провели сегодняшний день?

— Мы были в мороженице, — улыбнулся директор. — А потом пошли в кино.

— Что смотрели? — выкрикнул Быстров.

— Не помню, — признался директор. — Я очень волновался. Что-то про любовь, но в конце, как говорит мой сын, наши победили.

Педсовет кончился. Дублёры ещё продолжали командовать, готовя зал к праздничному вечеру. По идее ребят, день самоуправления должен был закончиться весёлым представлением.

— Вот и славно, — сказала Анна

Ивановна. — Завтра нормальная работа. Как всегда.

— Знаете, коллеги, — задумчиво произнёс директор. — Завтра мы не можем быть с ребятами такими же, как вчера. Ведь сегодняшний день не вычеркнешь. Ведь день самоуправления — не просто игра, а проверка. Мы увидели, что ребята могут быть в школе хозяевами. Так что давайте думать, как мы будем жить завтра.

Рис. Л. Московского

Вместе с директором школы давайте подумаем и мы, ребята. Прочтите последнее задание. В одном из номеров журнала следующего года мы подведём итоги нашего с вами эксперимента.

Внимание: эксперимент!

Участники эксперимента:

Ты, читатель «Искорки», твои друзья, одноклассники, родители...

Условия эксперимента:

Искренние ответы на вопросы.

Цель эксперимента:

Помочь школьной реформе претвориться в жизнь.

**Наши вопросы
и задания:**

Что мешает тебе учиться?

Поставь сам себе оценки: за внимание, усидчивость, сообразительность, добросовестность.

Чем ученик может сам себе помочь?

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

РАССКАЗ ОДИННАДЦАТЫЙ, ПОСЛЕДНИЙ

ПУТЁВКА В БУДУЩЕЕ

По городу несли ёлки. Деды Морозы с развешивающимися бородами спешили на служебных «Москвичах» от подъезда к подъезду. В городе было светло и предпразднично.

Ну, кто в такое время усидит дома? Затерянные в пёстрой толпе шагали по Невскому Николай Экономов и Нестареющий мальчик. Они никуда не торопились, с удовольствием потоптались у великанской ёлки перед фасадом Гостиного и дальше пошли, глаза по сторонам.

И тут друзья, к общей радости, увидели... Кого бы вы думали? Автора! Его только что вместе со всеми вынесло из метро. Но он уверенно разрезал толпу, а в руке у него трепетали листы рукописи, которую автор, вопреки сложившейся обстановке, пытался вычитывать на ходу.

Мальчики бросились к нему.

— Что-нибудь интересное? — пошутил Экономов.

Автор с неудовольствием оторвался от рукописи и, продолжая протискиваться вперёд, заметил:

— Неужели не видно, что я спешу?

— Куда спешить? — удивились мальчики. — Праздник на носу, год на исходе! А вы уткнулись в свои рукописи — и света белого не видите. Посмотрите, что творится на улице!

— Вы почему такие беззаботные? — спросил автор и сам же и ответил: — Потому что уже выполнили учебный план первого полугодия и можете отдыхать. А почему я спешу? Потому что до Нового года остались считанные дни. Если я сдам эту рукопись и редактор её примет, — я выполняю свой план. Сейчас и у всех кругом — на заводах, в портах, в учреждениях и магазинах — горячая пора: все завер-

шают выполнение плана года и пятилетки в целом. Нет сейчас ни у кого заботы важнее.

И автор снова углубился в рукопись, делая поправки на ходу. А мальчики притихли.

ВСЁ — ПО ПЛАНУ

Весь год автор рассказывал читателям об экономике. Теперь по годовому плану оставался всего один, последний, рассказ, и автор очень торопился; ведь если эту рукопись не сдать вовремя, типография не успеет выполнить свой годовой план. Главное — успеть, решил автор и быстро-быстро написал последний рассказ, а теперь перечитывал и понимал: не то! И сделал вовремя, а всё равно что вообще не сделал. Может быть потому, что в спешке он не успел встретиться со своими героями и рассказать им об очень важной стороне экономики — о плане.

Сейчас его герои плелись сзади и недоумевали.

— Хотелось бы мне знать, — задумчиво сказал Мальчик, — к чему такая спешка?

— Да, — со значением поглядев на автора, согласился Экономов, — неужто завтра дня не будет?

— И послезавтра...

— И даже в будущем году...

Теперь они шли по улице Зодчего Росси — прекрасной и строгой, как парадный зал, — здесь не только торопиться, но

и думать о суете казалось вопиющим противоречием.

Автор между тем не смутился.

— Странно слышать это от людей, ещё месяц назад сидевших в директорских креслах, — сказал он. — И особенно от того, кто считал себя хорошим директором.

Экономов потупил взор.

— Ну, в самом деле, — продолжал автор, — благодаря чему ты добился успеха на своём предприятии?

— Ну, как же, — воспрял Николай, — я запланировал реконструкцию по последнему слову техники, «установил» ГАП, освоил его...

— Погоди. Запланировал... То есть имел в виду, что на предприятии, изготавливающем ГАПы, запланирован выпуск оборудования для твоего завода. А если бы это предприятие план не выполнило?

— Как это?

— Они бы подумали: «Чего уж, не последний день живём. Завтра доделаем. Или послезавтра. Да и месяц — не срок для вечности». И, вместо того чтобы закончить тебе ГАП к январю, как планировалось, в конце декабря отправились бы всем предприятием в лес за ёлками.

— Ну вы скажете тоже, — засмеялся Экономов. — Кому такое в голову придёт? Я бы реконструкцию произвести не успел, оборудование не освоил — тракторов бы недодал.

— То есть свой план не выполнил бы, верно?

— Так это ведь не из-за себя, из-за них, — возмутился Экономов. — Из-за гаподелов.

— А получается, — продолжал автор, — что из-за тебя в магазинах продуктов меньше.

— А я-то тут при чём?

— Так ты же план не выполнил, тракторов недодал, работники сельского хозяйства тракторов недополучили — свой план

не выполнили, вот поэтому в магазинах и продуктов мало...

— Тем более, — выпалил Николай, — не посмеют изготовители ГАПов дурака валять, если все вокруг из-за них свои планы проваливают.

— А вдруг они тоже не по своей воле? — не сдавался автор. — Вдруг им тоже кто-то что-то недодал — металла или микропроцессоров. На одиннадцать месяцев работы хватило, а к декабрю иссякло — только и осталось, что за ёлками в лес идти.

— Ага, — смекнул Экономов, — значит, ещё кто-то бездельничал — электронщики, металлурги...

— Необязательно. Может быть, этот ГАП вообще для страны лишний.

— Как лишний, если без него никак?

— Ну, не в том смысле, что он не нужен, а в том, что нет возможности его сделать — не хватает ресурсов. Значит, и планировать его не нужно было. Это была ошибка. Ведь основное требование к плану — сбалансированность. Во-первых, планировать нужно лишь то, что можно сделать. Во-вторых, всё, что запланировано, сделать нужно. Потому все и стараются всё успеть. Через несколько дней кончается год, с этим годом — целая пятилетка. Если то, что намечено сделать, сделано не будет, нам придётся красть время у будущего, и его опять будет не хватать.

Вы, наверное, успели заметить, что автор, увлечённый беседой, теперь не торопился. Улицу Зодчего России наша весёлая компания уже прошла, до Дома прессы было рукой подать, на площади Ломоносова, похожей из-за круглого сквера в центре на заснеженную ватрушку, они заняли удобную скамейку, автор раскрыл свой портфель-«дипломат», вложил в него недочитанную рукопись, зато вынул пачку писем.

Экономов насторожился.

— Что пишут? — с напускным равнодушием спросил он.

— Хотите, скажу, не читая? — предложил автору Мальчик...

Можно понять Мальчика — он жаждал реванша. Если помните, месяц назад, убедившись в своей несостоятельности как директора, Мальчик признался, что определять техническую политику — дело сложное. Зато Экономов, довольный успехом, заявил с присущим ему оптимизмом, что нет ничего проще: заказывай оборудование поновей да получше — и нет проблем!

Конечно, читатели разобрались, прав ли на сей раз Николай. Но, поскольку Мальчик вызвался угадать их аргументы, не читая писем, мы их обнародовать не будем. Раз хочет — пусть говорит, не читая.

— Во-первых, — сказал Нестареющий мальчик, — читатели должны были сказать, что нельзя всем сразу получить самое новое и самое лучшее оборудование. Для этого надо сначала иметь ресурсы, потом новое оборудование нужно ещё сделать...

(Продолжение почтовой сумки РОЭ на стр. 50)

КОМУ НАДО БЫСТРЕЕ

...И вот, — продолжал автор, — все стараются выполнить план в срок. И даже раньше срока. К некоторым передовым рабочим и целым трудовым коллективам Дед Мороз вообще опоздал.

— Ну, это вряд ли, — усомнился Экономов. — Они же теперь на машинах ездят.

— И всё же, — настаивал автор. — Только вины Дедов Морозов в том нет. Тут попробуй успей. Например, ивановская ткачиха дважды Герой Социалистического Труда Валентина Николаевна Голубева за пятилетку выполнила 25 годовых норм.

— Это что же — по пять в год? — быстро сосчитал в уме Мальчик.

— Ну да. Теперь представь положение Деда Мороза. Что ж ему — в марте к ней явиться? А потом — в мае? А потом — ещё хуже — в августе?

— Да, запаришься, — согласился Экономов.

А практичный Мальчик прикинул:

— Так Валентина Николаевна впятеро больше ткани наткала, чем положено. Если бы ещё успеть из такого количества одежду сшить...

— Можно успеть, — успокоил его автор. — Вот, например, ленинградская швея из объединения имени Володарского лауреат Государственной премии Валентина Алексеевна Беляева уже не первую пятилетку выполняет по десять годовых норм.

— А что она шьёт?

— Мужские пальто.

— И вдвое быстрее? Так? — снова стал прикидывать Мальчик. — Значит, пальто, которое можно было бы сшить в декабре, она сошьёт уже в июне. Здорово.

— Послушайте, — сказал вдруг Экономов, обращаясь к автору, — а зачем, к примеру, вам пальто в июне?

Они посмотрели на автора. Он был в куртке.

— Вообще летом в пальто, конечно, жарко, — сказал автор, почему-то смущаясь. — Да и в декабре, видите... Нынче всё больше куртки носят, — заключил он, смущаясь окончательно, словно сам завёл эту моду.

— Что-то нехорошо выходит, — робко предположил Мальчик.

— Конечно, нехорошо, — оправившись от смущения, согласился автор. — Это и называется издержками планирования. Сама Валентина Алексеевна писала об этом в прессе. Куда как лучше было бы, если бы знатная швея и все её подруги шили то, что сейчас нужнее: до июня — скажем, костюмы и летние куртки, к зиме — зимние куртки с подстёжкой, ну, а для любителей — немножко пальто. Но на оборудовании, установленном в их цехе, можно выпускать только пальто и ничего более.

— Вот если бы у них был ГАП, — вернулся к своей любимой теме Экономов, — они могли бы быстро перестраиваться и выпускать всё, что угодно.

— Значит, что? — продолжал напряжённо размышлять Мальчик. — Надо, чтоб ещё и машиностроители работали быстрее и лучше?

— Ну, раз мы всех хотим обеспечить ГАПами, — поправил автор, — то не только машиностроители. Электронщики, например, тоже. Да и материалы но-

вые понадобятся, значит — и химии...

— Да, вообще, наверное, все, — подытожил Экономов.

Как выяснилось из дальнейших объяснений автора, все и стараются сейчас работать быстрее и лучше. Рабочие, колхозники, инженеры, учёные перекрывают плановые задания, чтобы проверить свои возможности накануне открывающегося в феврале съезда партии, где будет определён путь страны на следующую пятилетку и на 15 лет, которые остались до начала третьего тысячелетия нашей эры.

XXVII съезд примет новую редакцию Программы партии. Основа её — программа экономического развития страны. В ней предусмотрено, что за 15 лет нашей экономике предстоит пройти путь, равный тому, что пройден за почти 70 лет Советской власти. Чтобы добиться таких невиданных темпов роста, надо сполна использовать все преимущества социализма, среди них главные — плановое хозяйство и массовое социалистическое соревнование.

ЧТО ВИДНО ВБЛИЗИ

— Это что ж получается, — размышлял Мальчик вслух, — все будут стараться сделать больше, чем по плану, но ведь каждый может сделать больше по-разному. Вон Валентина Николаевна ткани делает впятеро больше, а Валентина Алексеевна пальто больше — вдвое. Или...

— Вот-вот, — прервал автор перечисление примеров, которое Мальчик мог продолжать до бесконечности, — для того и нужен план, чтоб увязать все эти «больше», состыковать их, в общем — сбалансировать. Тогда не окажется, что кто-то производил лишнюю работу, и всякая прибавка пойдёт в дело.

— А! — сказал Экономов. — Тогда нужно сначала план дождаться, а уж потом и

стараться. Пусть министр решит, кому сколько сделать больше. И уже тогда делать начинать, а сверх того — ни-ни.

— Ну уж нет, — возразил автор. — Какой министр в состоянии подсказать, например, Валентине Николаевне Голубевой, как можно обслуживать в несколько раз больше станков, чем положено ткачихе? Или фрезеровщику Ленполиграфмаша лауреату Государственной премии Геннадию Александровичу Богомолу — как втрое перекрывать всё время увеличивающуюся норму на изготовление сложнейших деталей сложнейших машин. Помните, в прошлом месяце мы говорили о внутренних резервах? Потому их так и называют, что заметны они внутри — предприятия, цеха, участка, у каждого рабочего места. Снизу, вблизи они видны, а сверху издали — нет. Так что, чего ждать от министра подсказки, сколько дать сверх плана? Это передовые рабочие, сами трудовые коллективы должны подсказать министру, на что он может рассчитывать с их помощью. Если резервы искать не сверху, а снизу — просто клады открываются.

И автор рассказал такую историю.

Пятнадцать лет назад бригада подмосковного строителя Героя Социалистического Труда Н. А. Злобина (теперь он уже дважды Герой) заключила с родным стройуправлением такой

договор: управление выделяет бригаде технику и материалы на строительство дома, а бригада полностью сдаёт дом к такому-то сроку. В чём, казалось бы, новость? А в том, что средства, предназначенные для строительства, выделялись в полное распоряжение злобнцев: тратьте, как хотите, сколько хотите. Истратите больше положенного — вернёте из своего кармана, что сэкономите — половина суммы ваша.

Первый же дом был возведён в полтора раза быстрее обычного, второй — в два с половиной раза быстрее. И дешевле. Ничего не пропало, ничто не оказалось испорченным: и стёкла целели, и раствор не засыхал, и кирпичи вокруг не валялись. Всё пошло в дело. И десятки тысяч рублей экономии. И никто без дела не сидел, а время — тоже деньги.

Такой метод получил распространение по всей стране. Он был назван методом коллективного подряда.

Вот что даёт поиск резервов «снизу».

Кстати, именно на это направлено и социалистическое соревнование. Ведь соревнуются производственники и трудовые коллективы, находящиеся, как правило, в равных условиях. Вот и сумей в этих равных условиях сработать лучше...

ПОДСКАЖИ МИНИСТРУ

— ...Всё равно не понимаю, — сказал Экономов, и лицо его

стало таким же сосредоточенно-серьёзным, как тогда, когда он сидел в директорском кресле. — Как план предприятия ни составляй, он полностью зависит от планов других предприятий — никакой гарантии от ошибок. Что мы можем сделать — это видно снизу. Что мы будем делать — видно только сверху. Ведь план для всех составляет правительство.

— В самом деле, — поддержал приятеля Мальчик, — жалко министра: он за всё отвечает, он же и подсказать не в силах. Помню, когда я работал у сапожника...

— Да успокойтесь вы, — прервал ребят автор, — никакого противоречия нет. План действительно становится законом, когда его утверждает высший государственный орган. Но составляется он при участии всех трудящихся. Сейчас на всенародном обсуждении находится проект Основных направлений экономического и социального развития страны на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. Даже если, например, мы с вами внесём какое-то предложение, оно будет рассмотрено. И естественно, что при разработке плана учитываются прежде всего предложения трудовых коллективов.

Услышав об этом, Экономов буквально заёрзал на скамейке. Горячий поборник научно-технического прогресса, он, как вы знаете, одержим одной, однажды оказавшейся для него счастливой, идеей.

— Давайте быстренько пошлём предложение, — горячо заговорил Николай, косясь на здание Дома прессы, откуда доносилось мерное дыхание печатных машин. — Я знаю, как сразу и резко поднять производительность труда буквально везде: надо немедленно всех обеспечить ГАПами — вот как надо поступить. Есть бумага?

(Продолжение. Начало
смотри на стр. 46)

(Окончание почтовой сумки
РОЭ на стр. 51)

ЛИЧНО ПРИЧАСТЕН

Конечно, Экономов поспорил бы с Мальчиком. Но с мнением читателей он спорить не рискнул. Оставалось лишь посетовать, что лёгкий и скорый путь к прогрессу невозможен.

— Но когда-нибудь, — воскликнул Николай, — наступит такое время, когда везде и повсюду будет работать самая совершенная техника?!

— «Когда-нибудь» — не срок, — поправил его автор. — Есть программа, есть направления развития. Сам-то ты готов к этому времени?

Экономов надул губы:

— А почему именно я? Привыкли, чуть что — сразу Экономов. Экономов то, Экономов сё, и подумал не так, и ответил неверно, а как где время получше, так опять же Экономову в нём места нет.

— А почему не ты? — нашёл, что возразить, автор. — Кто же

Во-вторых, — сказал Мальчик, — читатели наверняка написали, что должен быть чёткий план, кому обновлять оборудование раньше, кому позже, кому в следующей пятилетке или после следующей. Кому нужнее, кто важнее — тот раньше и получит. Теми же ГАПами, очевидно, раньше других надо оснастить электронику и приборостроение — без них и другим отраслям не продвинуться вперёд. Затем — машиностроение. Это отрасли, которые определяют научно-технический прогресс во всём народном хозяйстве. Они и должны развиваться быстрее других, чтобы за собой вытянуть другие.

Надо заметить, что Мальчик проявил завидную эрудицию, так что автор даже заподозрил, уж не заглянул ли он всё-таки в письма читателей. В конце концов, даже если условие игры не соблюдено, а цель достигнута, мы не будем излишне строги...

за тебя? В следующей пятилетке — той, которая очерчена в проекте Основных направлений, — тебе начинать самостоятельную жизнь, самому участвовать в развитии экономики страны. А к 2000 году страна подойдёт с тем, что будет создано вашими руками — твоими и твоих сверстников. Ты готов?

— Подождите, до 2000 года ещё есть время, — всполошился Николай. — Я ещё учусь.

— А чему ты учишься?

— Известно чему — математике, физике, химии, ну, там остальным предметам, чтобы уметь управлять совершенной техникой, ГАПами и вообще.

— Только ли в технике дело? — раздосадованно воскликнул автор и уже оглянулся на Мальчика за поддержкой.

Но Николай ответил, опередив:

— Я сам! Научно-технический прогресс нужен, чтобы изменить к лучшему жизнь. Но он невозможен без нового, прогрессивного отношения к самой технике, к науке, к работе, к труду вообще.

— Вот! — наконец удовлетворённо заключил автор. — И теперь вы, ребята, понимаете, почему программа развития экономики неотделима от программы развития общества и — человека. Все грядущие блага — для него! Ради него!

Гость
Голубого
огонька
нового
2000-го
года —
инженер
Николай
Владимирович
Экономов!

ХЕППИ-ЭНД

Они всё решили. Да и автор многое для себя решил. Он, например, знал, как выполнить план года. Написанная рукопись останется в портфеле, а запись сегодняшнего разговора и будет последним рассказом рубрики. Можно было с чистой душой идти в редакцию.

И они вошли вместе.

— Николай, — сказал автор, — ты уж меня прости, что я тебя наградил такой нескладной фамилией. Но условие я помню: изучишь экономику — меняй хоть на Космонавтова, хоть на Мореходова.

— Не стóит, автор, — беспечно ответил Экономов, — она мне нравится. Ничего стыдного. Ничего скучного. К тому же мне на эту фамилию письма пишут — читатели и даже читательницы. Не буду менять!

Густо, как белое конфетти,

валил снег. Из подъезда Дома прессы навстречу нашей компании высыпала целая вереница Дедов Морозов. Вместо мешков с подарками их плечи отягощали огромные почтовые сумки. Деды (довольно, впрочем, молодые) сгибались под грузом поздравлений, но были при этом веселы — как же, такой праздник! А последний Дед подмигнул мальчикам мохнатыми накладными бровями.

Окончание. Начало в «Искорке» № 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11.

ИТОГИ КОНКУРСА

Вы видели: Экономов умнел у вас на глазах, но с вашей же помощью! Ведь сколько раз читатели поправляли его, объясняли ему... Десять раз в течение года. Кто делал это лучше, кто хуже, но лучше всех —

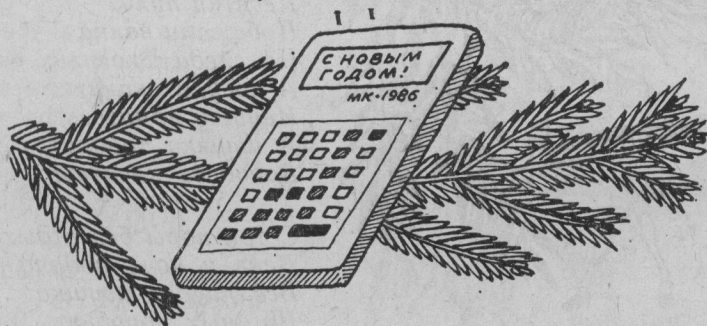
ученица 26-й школы **НИНА ЛЕБЕДЕВА**. Она и стала **ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕЙ** нашего конкурса.

Присуждены также две поощрительные премии самым-самым:

самым **ПЕРВЫМ** включился в конкурс **ЮРА МАТЫЦИН** из 45-й школы Петродворца;

самой **МЛАДШЕЙ** участницей была **ОЛЯ ШУЛЬЧЕВА** из 110-й школы. Она стала поправлять Николая Экономова, когда сама училась ещё в 3-м классе.

Всем этим ребятам отправляем памятные призы.

ИВУШКА и Воробей

Сказка-прибаутка

— Ивушка-голубушка, —
 Просит воробей, —
 Покачай, пожалуйста,
 Ты моих детей.
 А если не станешь
 Воробышков качать,
 Позову косуль я
 Веточки ломать.
 Не станут косули
 Веточки ломать,
 Позову волков я
 Косуль кусать,
 Которые ивушку
 Не хотят ломать,
 Которая воробышков
 Не хочет качать...

Не будете, волки,
 Кусать косуль?
 Берегитесь, волки,
 Охотничьих пуль!
 Эй, сюда, охотники,
 В волчьи леса!
 Не хотят волки
 Косуль кусать,
 Которые ленятся
 Ивушку ломать,
 Которая не хочет
 Воробышков качать.

Засвистели по лесу
 Десятки пуль,
 Побежали волки
 По следам косуль,
 А косули скачут
 Ивушку ломать,
 А ивушка торопится
 Воробьев качать...

С той поры без отдыха
 День и ночь подряд
 Всё качает ивушка
 Шумных воробьят.

Сказка-прибаутка

Ехал сказочник Бай
В заколдованный край...
Рассказывать или нет?
— Рассказывать!

Увидал он меня,
Придержал он коня...
Рассказывать или нет?
— Рассказывать!

— Что, скажи-ка ты мне,
Любят хлопцы во сне?...
Рассказывать или нет?
— Рассказывать!

— Любят наши сыны
Интересные сны...
Рассказывать или нет?
— Рассказывать!

— Знаешь, дедушка Бай,
Ты им сказочку дай...
Рассказывать или нет?
— Рассказывать!

Распахнул он мешок:
— На! любимую, дружок!..
Рассказывать или нет?
— Рассказывать!

— А вот эту я сам
Подарю малышам...
Рассказывать или нет?
— Рассказывать!

Кто быстрее уснёт,
Тот и сказку возьмёт.
Вот!

Перевёл с белорусского
А. Крестинский

Рис. Л. Уральской

Блаженство

В тот же день — вечером

Сперва меня посыпали каким-то вонючим порошком. Затем меня вымыли хозяйственным мылом, потом — туалетным. Тётя Груша поливала меня из кувшина кипячёной водой. Но я смиренно стоял в корыте и всё стерпел. Я только всё время старался лизнуть руку Вити или мамы Маши. До Пал Палыча я не мог дотянуться. Он сидел на террасе, держал наготове одеяло и удивлялся:

— Честное слово, Витька, пёс вырос, хотя и похудел вдвое! А какой взгляд! Читает мысли на расстоянии!

Меня опять окатили чистой водой и, наконец, вытерли и завернули в одеяло. А мой хозяин сейчас

Окончание. Начало в «Искорке» № 6, 7, 8, 9, 10, 11.

же сел рядом и обнял меня вместе с одеялом.

Я заснул в ту же минуту.

Переоценка ценностей 27 августа

Сегодня моя прекрасная жизнь продолжается. Утром меня разбудила тетя Груша и позвала завтракать. На завтрак, как и всегда, — овсяная каша. Я съел и попросил ещё. Тётя Груша налила в миску простокваши, крошила хлеба:

— Господи, чем они тебя кормили, Пиратка? Капустой? Квасом?

Милая тетя Груша, как она прощательна! Я подпрыгнул и лизнул её в щёку. Она не рассердилась.

— Ну, баловень, узнал теперь почём фунт лиха? Пойдём-ка вместе доить Фросю... Там и не нюхал поди молочка?..

А потом был волшебный день. Меня кормили и ласкали, ласкали и кормили, так что я совсем запутался — что лучше? Но самое прекрасное было даже не это. Под берёзой...

Нет, лучше я всё расскажу с самого начала, с того момента, когда лис сказал: «Настал мой час!»...

Он убежал, а я, стуча от волнения зубами, пытался что-то писать в грязной «ковбойской» тетради...

Вдруг примчался лис:

— Быстро за мной!

Мы понеслись к подкопу. Вижу: на заборе головой вниз висит Пал

Палыч, машет руками и шёпотом говорит кому-то:

— Ноги, ради бога, не выпускайте...

Я обмер — он висит на колючей проволоке! Что у него останется от живота и штанов! Не успел я об этом подумать, как над забором показалась ещё одна голова — моего дорогого хозяина Вити:

— Подвинься, пап! Ты весь матрац занял...

— Ну, держись, Витька! — сказал Пал Палыч. — Не сверни голову!..

Что там произошло дальше — я не разобрал. Только увидел, как в воздухе мелькнули Витины ноги, и весь Витя повис на этой стороне.

— Прыгай! Отпускаю! — шептал Пал Палыч.

Я бросился к Вите, не выдержал и заверещал от радости каким-то несобачьим визгом.

Витя сразу же зажал мне нос, но было поздно. В окнах зажёгся свет. Загремела дверная цепочка. Затопали тяжёлые шаги, и — бах! — громыхнул выстрел.

Невозможно описать мой ужас! Я уже представил, как все мы — я и мои дорогие хозяева — лежим, застреленные Сиплым. Вдруг в темноте совсем рядом, словно вспыхнул и засветился огонёк. Это был лис.

— Бегите! Быстро! Погоню я возьму на себя! Прощай, друг!

Это был мой благородный лис. Конечно, никто, кроме меня, не понял его слов. Но все услышали, как Сиплый тяжело побежал к калитке, громко ругаясь:

— Ах ты, рыжая тварь! Ну погоди у меня!

— Не надо, дядя! Не надо! Нам за него в школе попадёт! — хором вопили «ковбои».

Мы воспользовались суматохой и быстро перелезли через забор.

— Ходу, ребята, ходу! — командовал Пал Палыч. И все кинулись бежать: впереди — я, за мной — Витя, потом — мама Маша и Пал Палыч. Замыкающими были Одноглазый и старик, который живёт в

жёлтом домике на горе.

Из нашей калитки навстречу нам выбежала тётя Груша.

А утром в саду под берёзой я увидел Витю и Пал Палыча — они покрывали старую собачью будку новой крышей. Чуть дальше мой одноглазый друг не спеша доедал что-то из моей миски. Мама Маша большими ножницами выстригала у него из хвоста репейники. Тётя Груша, сложив на животе руки, смотрела на всё это, качала головой:

— Из каких доходов буду я на старости лет кормить дармоеда?..

— Не прибедайся, Аграфена, не объест тебя животное, — замаяхал на неё руками старик, который живёт в жёлтом домике на горе. — А этой собаке цены нет, столько горя измыкала. Ты взглядишь — умней человека.

Что сделал я?

Переполненный радостью, подпрыгнул с такой невероятной силой, что прямо с крыльца сделал полное сальто.

— Ах! А-а-аах! — вскрикнули все хором. Но я уже стоял на ногах. Не касаясь земли, я облетел нашу дачу вокруг и последним, длинным, великолепным прыжком влетел в бочку с водой, где вертелись всякие мелкие козявки.

— Отличный трюк, Пират, — сказал Пал Палыч, вытаскивая меня за шиворот, — ты, я вижу, по-прежнему будешь оживлять и украшать нашу жизнь.

29 августа

Кончилось лето, кончилась дача. Завтра мы возвращаемся в город. Я выкулил у Вити решение последнюю ночь ночевать в саду и сплю рядом со своим большим другом возле будки, разваляясь в траве. Это так здорово!

Прямо над головой у меня, за деревьями, только очень далеко, светит жёлтая звезда. Она похожа на глаз лиса, и это мне приятно. Мне кажется, что это мой умный друг смотрит на меня из тёмных кустов во дворе за высоким забором.

— Ты что сопишь? — спросил меня Одноглазый, поворачиваясь на другой бок.

Ах, нет! Ведь я совсем забыл! Ни Чёрного Дьявола, ни Одноглазого — больше нет. Его теперь, как и меня, зовут Пират — только Чёрный Пират. Это, конечно, придумал Витя. Как он догадался?! Так нас оказалось трое друзей Пиратов.

А почему я сопел? Потому что не спал. Думал об Огоньке.

Но об Огоньке — разговор особый...

30 августа

Только мы приехали в город, как тут же пришлось опять ехать — вернее, переезжать — на новую большую квартиру, которую получил Пал Палыч от работы. Кутерьма была страшная! Чтобы я не путался под ногами, пока переносили мебель, Витя привязал меня к скамейке во дворе нового дома.

Этот новый двор мне очень понравился, — вот уж будет где побегать! Я вспрыгнул на скамейку, но и оттуда не увидел, где он начинается и где кончается.

— Здравствуй, пёсик! — поздоровался со мной старичок в очках

и сел рядом. — Ты из какого подъезда?

— Гав, гав, — ответил я.

— Верно! — кивнул он. — Я тоже из второго... Будем соседями. Здесь хорошо, братец, и людям и собакам. Во-он, видишь лесок? Там и пруд есть, и травка. Отличный район, новый, благоустроенный. Вот так-то.

«Что ж, — подумал я, — не так плохо начинается моя жизнь на новом месте. Уже есть один знакомый».

7 сентября

Спешу записать самые последние потрясающие новости. Вчера Витя прибежал из своей новой шко-

ды и сразу же:

— Скорей, Пираты! В три часа у нас субботник. Пойдешь со мной. И веди себя прилично, понял? Без твоих штук, ясно? Где поводок?

Во дворе школы было полно ребят с лопатами и граблями. Нас, конечно, сейчас же окружили и стали спрашивать:

— Как зовут твою собачку?

— Какой породы собачка?

— Можно покормить твою собачку?

— Витя Витухин! — вдруг строгим голосом сказала высокая женщина. — Ты зачем привёл собаку?

— Она не кусается...

— Тогда зачем ты держишь её на привязи? Пусть побегает.

Ух, и подпрыгнул я! Метра почти на два! Надо же — какая оказалась у Вити хорошая учительница!

Я побежал трусцой вдоль изгороди — люблю обследовать новые места. Тут, конечно, не то, что в лесу, но всё же я обнаружил несколько интересных запахов. Один из них меня особенно взволновал — знакомый. Я побежал быстрее и скоро наткнулся на небольшой домик. Вместо одной стены у него была натянута проволочная сетка. За сеткой сидела рыжая собака! И до чего же она была похожа...

— Огонёк!.. Это ты-ты?! — ошеломлённый, пролепетал я.

— Очень может быть, — последовал ответ.

Он! Ну конечно, он! Кто же другой может ответить так невозможно и загадочно?

— Огонёк, дружище! — завопил я и прыжком кинулся к нему на грудь. Но сетка спружинила, и я кубарем отлетел в кучу сухих листьев.

— Слишком энергично, братец, — спокойно отозвался лис. — Жизненные уроки, вижу, тебя ни сколько не изменили.

— Нет! — признался я, выплёвывая листья. — Наверное, главная моя специальность — доставлять всем весёлые минуты, а себе — неприятности...

Лис склонил голову набок, посмотрел на меня внимательно, и что-то вроде улыбки мелькнуло на его хитрой морде.

— Если вдуматься в суть явления, — начал он своим профессорским тоном, — это не так уж и плохо. Ты приводишь людей в хорошее настроение, и они платят тебе за это любовью.

Вот что значит — иметь мозги!

Всё лето я мучился, решая вопрос: для чего существую на свете, а лис решил в одно мгновение. Всё сразу прояснилось в моей голове, и я вновь стал совершенно счастливой собакой.

— Рассказывая, чем кончилась та ужасная ночь побега.

— Пустяки, братец, — зевнул лис. — Я укусил Сиплого, и это ему не понравилось. А потом он чуть не лопнул от злости, обнаружив твоё исчезновение.

— Отлично! — воскликнул я, но тут же понял: радоваться рано. — С горе-ковбоями у тебя, Огонёк, будут ещё неприятности.

— Они перевелись в другую школу, это я знаю, — ответил лис, — и я больше знать о них ничего не хочу.

— Правильно, — сейчас же радостно согласился я. Но моя радость всё-таки не могла быть полной, потому что я видел своего дру-

га в клетке.—Послушай, Огонёк,—сказал я шёпотом. —Тут совсем рядом лес... Мы сделаем подкоп... Понимаешь?... Ты жил бы рядом, и мы могли бы видеться. В случае чего я бы подключил Витю...

— Пустой номер, дружище,—сказал лис,—хотя и прими мою благодарность.—Это было мне непонятно.—Видишь ли,—продолжал лис,—как раз недавно, на уроке биологии, учитель рассказывал, что дикие звери, долго прожившие в клетке, уже не могут самостоятельно существовать на воле.

— Это ещё почему? — удивился я.

Что-то вроде вздоха вырвалось из груди никогда не унывавшего лиса:

— Привыкают жить на готовеньком... Вроде бы теряют спортивную форму. В лесу я просто сдохну с голоду. Ясно?

Я сидел с убитым видом.

— Не вешай носа, Пират! — бодрым голосом прервал мои размышления лис.—Старостой биокружка ребята выбрали Витю Витухина. Насколько мне известно, это — твой хозяин.

Проклятая сетка! Меня опять отбросило в кучу листьев. А бесчувственный лис скалил зубы от удовольствия.

— Не унывай, брат. Смотри-ка, я кое-что приятное для тебя приготовил.—И с этими словами он извлёк из-под подстилки знакомую пыльную тетрадь с моими каракулями.—Ты так старательно мусолил её каждый день, что я подумал: а вдруг в ней всё-таки есть какой-то смысл?

Мы не без труда протащили тетрадь под дверцей клетки, я схватил её в зубы и кинулся домой.

— Пират! Пиратыч! — звал меня Витя.—Вернись! Назад! Ты слышишь?

Вечером Витя рисовал план размещения живого уголка на территории школы. Лису там был отведён тёплый зимний домик с выходом в большую вольеру. Она захватывала порядочный кусок лу-

жайки, смородиновый куст, маленькую берёзку и огромный плоский камень.

Я представил, как лис, растянувшись на нём, греется на солнышке. Или в любимой позе лежит на брюхе, вытянув лапы, подняв красивую рыжую голову с умными чёрными глазами.

— Как-нибудь я возьму тебя ещё раз в школу, Пиратыч,—сказал Витя,—и покажу такого зверя, какого ты ещё не видел.

«Ха! Не видел!» — хмыкнул я про себя и лизнул Витю в ухо.

31 декабря

Я уж думал, что никогда не вернусь к своим запискам, но вот не выдержал и опять вернулся из-за моего друга — Чёрного Пирата.

Дома у нас сейчас пекут и жарят к Новому году всякие вкусные вещи. Кругом носятся такие ароматы, что я беспрерывно чихаю и попрошайничаю. Всего уже так напробоваюсь, что с трудом уместюсь в своей корзине. Кроме того, в комнате невыносимо прекрасно пахнет настоящим лесом — смолой и хвоей, потому что уже принесли новогоднюю ёлку. Я долго под ней лежал и мечтал, вспоминая лето. Представил тётю Грушу, Фросю, обоих Пиратов, старика, который живёт в жёлтом домике на горе. А как умела лаять Жучка! Такого голоса я ни разу не слышал в городе... Да и хвост её я не могу забыть...

— Пиратыч объелся,—сказал Витя, когда я с печальной мордой выполз из-под ёлки.

Вите и Косте подарки уже купили и держали их в секрете. А собаке какие же можно придумать подарки? Ведь никто не отважится купить собаке велосипед или надувную лодку?

Однако я получил подарок не хуже. Перед самым Новым годом вдруг пришёл почтальон и принёс нам фанерный ящик.

Витя его открыл. Мы с ним раскопали солому и, кроме яблок, нашли целлофановый мешочек, а в нём — письмо и варенье.

— Мапочка! — запрыгал Витя. — Письмо от тётки Груши.

Мама Маша пришла из кухни и прочитала нам письмо вслух.

«Дорогие мои Машенька, Павел Павлович, Витя и Костенька!

Поздравляю вас с Новым годом, желаю счастья, здоровья и долгих лет жизни!

Я тоже живая, здоровая, грех жаловаться. Новости мои простые. Свинку продали. Фрося молока поубавила. Аккурат на третий день, как вы уехали, пришёл домой Фома, — хромым, ободранный. Теперь уже оправился, отъелся. Старый совсем, не знаю: дотянет ли до весны.

Кузьма Егорович, что живёт на горе в жёлтом домике, заходил. Велел вам кланяться. Собачку вашу весёлую вспоминал, Пиратку. Анюта у него приболела, однако выхаживал.

Снегу нынче у нас много, лето будет хорошее. Дом я никому сдавать не буду, оставлю за вами. Варенье, которое Витеньке шлю, вязала из Пиратовой шерсти. Богатая у него к зиме стала шуба.

Службу свою собака справляет хорошо. На цепи её не держу. Жалею.

Открыточку вашу с поздравлением получила. Спасибо, не забываете старую хозяйку Аграфену».

— Вот это да! Вот это да! — затанцевал Витя. — Ты слышал, Пиратка? Шуба богатая у твоего при-

ятеля! А ну-ка, где варенье? Давай их сюда скорее!

Он натянул на руки чёрные пушистые варенье.

— Ну и тепло, как в печке! — объявил он. — На-ка, Пиратка, понюхай, может, узнаешь своего друга?

Я изо всех сил втянул воздух... Нет! Одно мыло! Но я всё же стянул варенье с Витиной руки, отнёс на диван, вспрыгнул сам и лёг, уткнувшись носом в мягкую шерсть. И тогда мне всё-таки показалось, что она чуточку пахнет Чёрным Дьяволом — Чёрным Пиратом. Это было очень приятно. Вот какой замечательный получился у меня новогодний подарок.

И вас — С НОВЫМ ГОДОМ, дорогие друзья!

Я на этом заканчиваю свои записки, потому что уже про всех всё ясно и, значит, писать больше нечего.

ИСКОРКУ

СПРАШИВАЮТ —

«Читаю я „Искорку“ первый год. Читаю один. Мне интересно читать одному. А узнать я хочу, как делать оловянных солдатиков и про их историю».

Алёша Шамров,
Ленинградская область,
посёлок имени Морозова

Стойкие оловянные солдатики

К рисункам на 4-й странице обложки

«Было когда-то двадцать пять оловянных солдатиков, родных братьев по матери — старой оловянной ложке; ружьё на плече, голова прямо, красный с синим мундир, — ну, прелесть, что за солдаты! Первые слова, которые они услышали, когда открыли их домик-коробку, были: «Ах, оловянные солдатики!»...

Так начал Ханс Кристиан Андерсен одну из самых известных своих сказок — «Стойкий оловянный солдатик».

Сказка сказкой, но оловянные солдатики вот уже почти столетие являются символом мальчишеского детства. Вот мы и решили поговорить о солдатиках серьёзно, со специалистом. И отправились для этого... в Эрмитаж. Вы спросите — почему? Да потому, что эти прекрасные brave игрушки — не только игрушки, но и самый настоящий предмет изучения и работы учёных, которые занимаются историей материальной культуры.

Сразу представим нашего консультанта и собеседника: это кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного Эрмитажа Георгий Вадимович Вилинбахов. Георгий Вадимович занимается русской военной историей, знамёнами и... солдатиками!

— И не только занимаюсь, — сказал он, когда мы встретились, — но и до сих пор играю. Мне эту страсть передал отец, который всю жизнь собирал и играл в оловянных солдатиков. Мы расставляли их на столе в строгом боевом порядке. Начиналось сражение, которое шло по разработанным нами правилам. Азарт эти игры рождали та-

кой, что забыть можно было обо всём на свете. Я и сейчас готов развернуть оловянное сражение на целый день...

— Так оловянные солдатики всё-таки — игрушка или не игрушка?

— Игрушка. Можно даже сказать — совершенная игрушка! Мальчишкам солдатики дают безграничный простор для воображения и одновременно — возможность «разыграть» реальную жизнь, сражения, историю. А для взрослых солдатики представляют эпоху, показывают жизнь общества, уровень его развития, культуру, быт, привычки...

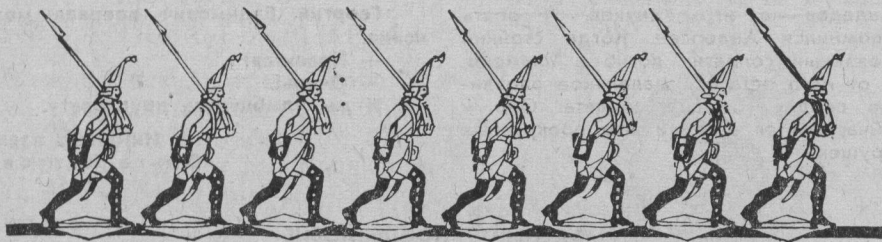
— А когда родились оловянные солдатики?

— Те, о которых пишет Андерсен, — достаточно поздно. Но до них, в XVIII веке, были солдатики фарфоровые, серебряные, деревянные. Есть солдатики картонные, металлические. Есть солдатики плоские и солдатики объёмные. Да и по размеру они тоже варьируются. Самые распространённые — плоские оловянные солдатики, высота которых до глаз составляет 30 миллиметров. Таков и герой андерсеновской сказки.

— А солдатиков делали во всём мире или есть приоритет какой-нибудь одной страны?

— Делали-то их повсюду, но самые известные в мире оловянные солдатики — произведение немецкой фирмы

«Гейнрихсен», которая родилась в 1839 году в Нюрнберге. Этих солдатиков иногда даже называют «нюрнбергскими». Фирма «Гейнрихсен» выставила своих солдатиков на Всемирной выставке 1882 года и получила за них золотую медаль. С этого и началась их слава.

Наборы солдатиков были разные: пехотный полк из 20 пехотинцев — в одной лубяной коробочке, в другой — кавалерийский полк из 10 солдатиков, барабанщика, знаменщика и офицера. Были и большие наборы — то есть вся группа войск для игры. Например, игра в «Отступление Наполеона из России» или в войну варваров и римлян... Солдатики были уже раскрашены, но можно было купить и некрашенных, тогда хозяин мог, раскрашивая фигурки, точно воспроизводить обмундирование тех или иных родов войск.

В сюжеты игрушек активно входили и самые последние события. В 90-х годах XIX века началась англо-бурская война в Южной Африке — и тут же появились оловянные соединения буров и англичан. Во времена русско-японской войны мальчишки играли в русскую и японскую армии...

— Георгий Вадимович, значит, и сейчас, рассматривая старых оловянных солдатиков, можно услышать прошлое?

— Конечно! Именно поэтому солдатиками музеи и интересуются. Есть коллекции оловянных солдатиков в музее Суворова в Ленинграде и у нас в Эрмитаже. Есть музеи оловянных солдатиков в разных странах. Раз в два года обязательно устраиваются крупные выставки солдатиков в ГДР. Там солдатики даже получили специальное назва-

ние — «культурно-историческая оловянная фигура»... Не очень романтично, конечно, но точно.

— А как солдатики попали в Эрмитаж? И где их можно увидеть?

— Отвечу сначала на второй вопрос. Эрмитажных солдатиков можно было видеть на наших выставках. Несколько лет назад была выставка русской игрушки XVIII—XIX века, там были выставлены оловянные полки. Вероятно, будут такие выставки и далее.

Как солдатики поселились в Эрмитаже!

В 1941 году, перед началом войны, в Эрмитаж перешёл историко-бытовой отдел Этнографического музея, а с ним — коллекция оловянных солдатиков А. Н. Бенуа.

А вот об одном из последних приобретений музея стоит рассказать особо. Пополнялась наша коллекция и после Великой Отечественной войны. Несколько лет назад на Петроградской стороне пошёл на капитальный ремонт старый дом. Разломали печку и обнаружили... целый клад оловянных солдатиков. Коллекция была очень большая. Она и сейчас ещё не вся разобрана. Жаль только, что мы не знаем ни её хозяина, ни её истории. Кто, когда прятал эти игрушки! И почему именно игрушки, а не какие-то более ценные вещи! К сожалению, на этот вопрос вряд ли удастся ответить...

...На столе, заваленном старыми книгами, вышагивали солдатики. Гордо реяло оловянное знамя, ровен и чётко был шаг полка. Куда они шли? Из прошлого — в настоящее, из игр дедов и

прадедов — в игры внуков. И опять вспомнился Андерсен. Когда стойкий оловянный солдатик погиб в пламени, то от него осталось маленькое оловянное сердце. Сердце солдата. Оно и сейчас бьётся в груди этих прекрасных игрушек.

Георгий Вадимович прервал молчание.

— Нравится!

— Очень!

И мы улыбнулись друг другу.

Интервью взяла
Ольга Кустова

МАЛЕНЬКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

Ребята! Мы рассказали вам об истории оловянных солдатиков и таким образом на один Алёшин вопрос ответили.

А вот на второй — мы ответим в следующем, первом номере «Искорки» за 1986 год. На «спинке» журнала, как и в этот раз, вас будут ждать верные друзья ваших игр. Узнаете вы и тайну их рождения из гипсовых формочек, олова, пластилина и, самое главное, из вашего умения и увлечённости.

Итак, до встречи в январе!

Рис. Р. Попова

*В помощь следопыту,
идущему по тропинке
в лес*

Сизая

чайка.

*Са-
ны.
Беркут.*

К фотографиям на 3-й странице обложки.

Рис. Р. Попова

КОНКУРС «МОЛОДОСТЬ МИРА»

Между смекалистами, приславшими правильные ответы на задания, опубликованные в этом номере «Искорки», будет разыгран приз. Срок для ответов до 15 февраля 1986 года.

СЛОЖЕНИЕ

Составила Саша Каледина
(61-я школа)

Разгадав секрет головоломки, получите слово, символизирующее дружбу молодёжи всех стран (3 очка).

КРОССВОРД

Составила Надежда Архипкина
(115-я школа)

По горизонтали: 1. Сторона света. 4. Драгоценный металл. 7. Област-

Отдел ведет Н. А. Садовый

ной центр РСФСР. 8. Судовой колокол. 10. Раздел математики. 11. Музыкальный ансамбль из восьми исполнителей. 13. Государство в Африке. 14. Упаковка для письма. 15. Приспособление для ловли животных.

По вертикали: 1. Часть моря. 2. Областной центр в Казахстане. 3. Денежная единица в Югославии. 5. Награда. 6. Роман Жорж Санд. 7. Напиток. 9. Приток Куры. 12. Дорожка в лесу. 13. Один из приёмов воздушного боя (5 очков).

КТО СТАЛ НАИМУДРЕЙШИМ

С января по май на страницах «Искорки» проходил конкурс «Дорогами Победы». В нём участвовало много смекалистых, но все задания решили самые-самые наимудрейшие. Среди них немало «ветеранов» — участников и победителей многих конкурсов.

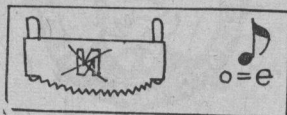
Вот кто стал наимудрейшим в конкурсе «Дорогами Победы»: Бородин Владик (6-я школа), Гринина Катя (535-я школа), Емельянов Аркадий (279-я школа), Иванова Наташа (Дружнотгорская школа), Канунникова Галина (35-я школа), Кириллов Илья (121-я школа), Киселёв Георгий (30-я школа), Колесникова Настя (4-я школа), Кудряшова Надя (149-я школа), Минаева Татьяна (30-я школа), Пашков Виктор (444-я школа), Платунова Катя (535-я школа), Смирнова Юля (Дружнотгорская школа) и Щербатых Алексей (22-я школа).

Все 14 наимудрейших получают призы — книги.

МИКРОРЕБУС

Составила Жанна Кораблёва
(198-я школа)

Прочтите слово, связанное с астрономией. (2 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

[ответы к «Искорке» № 10]

КРИПТОГРАММА

«Землю от пожара уберечь» (из песни В. Соловьёва-Седого «Если бы парни всей земли»).

ГЛАВНАЯ СТРОКА

Дуб. Берёза. Рябина. Кедр. Вишня.
Ель. Вяз.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Крузенштерн.
7. Ямб. 8. Ратин. 10. Лук. 11. Триумф.
12. Артист. 14. Экк. 15. Нарва. 16.
АНТ. 19. Конституция.

По вертикали: 1. Луна. 2. Анкета.
3. Репа. 5. Америка. 6. Курсант.
8. Роман. 9. Нерпа. 13. Премия. 17.
Гуно. 18. Овца.

МИКРОРЕБУС

Потанин.

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистыми, приславшими правильные ответы на все головоломки, опубликованные в «Искорке» № 9, был разыгран приз. Он достался ученицам 4-в класса 366-й школы Арине и Кате Быстровым.

СОДЕРЖАНИЕ

Роботы средней группы. Фантастический рассказ Леонида Агева	1
Вглядываясь в портреты... Заметки Татьяны Галушко	8
Два штриха к портрету И. И. Пущина. Очерк Германа Гоппе	10
Петровская набережная. Главы из повести Михаила Глинки	15
Стихотворения Кати Заостровцевой	27
Секрет молодости. Интервью с художником В. И. Курдовым	30
Физическая шишечка. Рассказ Павла Васильева	33
Домовой. Миниатюра Николая Сладкова	37
Узелок	38
Расписание на послезавтра. Окончание очерка Н. Чаплиной	39
Рассказы об экономике. Рассказ одиннадцатый, последний. Путёвка в будущее. Рассказчик В. Ковичев	44
Сказки-прибаутки Максима Танка	52
Наши каникулы. Окончание повести-сказки Сергея Лукницкого	54
Искорку спрашивают — Искорка отвечает	60
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок В. Курдова «Зима».

На 2-й странице обложки репродукция гравюр С. Мочалова.

На 3-й странице обложки «Следопыт, или Тропинка в лес». Фото Н. Сладкова.

На 4-й странице обложки рисунок Р. Попова «В стране оловянных солдатиков».

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Сулов, А. Н. Томилин, И. А. Турчин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 04.11.85. Подписано к печати 12.12.85. М-17780. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,63. Тираж 60 000 экз. Заказ № 243. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Следом, или Тропинка в лес

1. До поздней осени видны были в небе птицы — самые разные. Знайки их даже по силуэтам опознавали. Над водой чаще всего парили...?..

заяц, ни тетерев, ни дикий гусь. Интересно опознавать птиц в небе по их силуэту!

2. А над берегом кружил в вышине...?.. Высматривал с высоты шульную рыбёшку, неосторожную мышь.

3. Над полями и опушками, посвистывая, кружил...?.. Лучший защитник наших полей от мышей и полевок.

4. Ну а силуэт этой большой хищной птицы редко теперь попадается на глаза, мало этих птиц осталось. Это...?.. От его зорких глаз никто не укроется: ни утка, ни

ЦЕНА 20 КОП.

В стране словянских солдатиков

6-3

ИНДЕКС 73735